

Галина Альвергнат

*Все
к лучшему*

Галина Альвергнат

Все к лучшему

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18151459

ISBN 9785447463083

Аннотация

Неординарные женские истории всегда привлекают к себе внимание. Мы ищем в них ответы на свои вопросы, переживания, созвучные нашим. Такова и история Анны, молодой женщины, оказавшейся в сложной житейской ситуации: пьющий муж, развод, который ничего не меняет, нехватка денег, а значит, и всего остального. А главное – нечаянная беременность, о которой она решается рассказать только близкой подруге. Подруга и подсказывает выход, несовместимый не только с моральными нормами. Как поступить?

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Все к лучшему
Женская история
Галина Альвергнат

© Галина Альвергнат, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Низкие серые облака уже несколько дней висели над городом. Они закрывали небо до самого горизонта, не оставляя ни единого просвета, сквозь который мог бы пробиться солнечный луч. Рано утром, в понедельник, 21 сентября, начался дождь, который не прекратился и после полудня.

Было почти четыре, когда из здания городского суда вышли двое, мужчина и женщина, супруги, теперь уже бывшие. Они потоптались немного у выхода – надо было что-то сказать, но говорить было нечего, совсем нечего – все было давно переговорено.

– Ну, ладно, пока, – бросил, наконец, теперь уже бывший муж и, втянув голову в плечи, быстро пошел по улице.

А она осталась и смотрела ему вслед, стараясь не расплакаться. Значительная часть жизни осталась позади. Что впереди? Ничего, ничего хорошего. Вспомнилось начало их семейной жизни. Из всех своих студенческих подруг она первая выходила замуж и очень этим гордилась. Да и муж ей достался, как казалось тогда, завидный: многие заглядывались на ее Сергея. Как хорошо все складывалось вначале! Как давно это хорошее закончилось! Все последние годы она не жила, а боролась. Боролась за мужа, который из умеренно

выпивающего превратился сначала в неумеренно выпивающего, а затем и в алкоголика. Боролась за то, чтобы из бедности не впасть в нищету. Боролась за то, чтобы дать своим дочерям хорошее воспитание, когда ни сил, ни времени на это совсем не оставалось. И какой итог? Она проиграла по всем статьям? Нет, не по всем! У нее две замечательные дочери. Старшей – двенадцать, и в школе, и в студии танца только успехи. Младшей всего шесть, но задатки... И обе красавицы. Но как дать им то, что видят и получают другие дети? Где выход? Ведь должен же он где-то быть?

Вздыхнув, она раскрыла свой зонтик со сломанной спицей (и когда она ее отремонтирует?) и побежала к телефону-автомату. Мать взяла трубку сразу.

– Что, Аня, развели?

– Развели, мама.

– Не переживай, все наладится, все к лучшему, – на всякий случай сказала Вера Игнатьевна, хорошо зная ситуацию, но стараясь успокоить дочь.

– Мама, можно девочки побудут у тебя еще часика два? Я не могу прийти сразу, мне надо зайти к Катерине, – не отвечая на успокоительную фразу матери, попросила она.

– Конечно, можно, – сразу согласилась Вера Игнатьевна. – Передай привет Катерине.

много друзей, она притягивала к себе людей благодаря своему характеру – веселая, открытая, общительная, умеющая слушать и слышать. Но самыми близкими подругами были Татьяна и Катерина. Многие не понимали этой дружбы: так не похожи они были.

Самая благополучная из их студенческой троицы – Татьяна.

Отец Татьяны был чиновником городской администрации, семья жила в большой по тем временам квартире: четыре просторны комнаты с импортной мебелью и холодильником, наполненным тем, что в магазинах найти было невозможно. Сама Татьяна была высокой, стройной, с длинными волосами красивого рыжевато-медного оттенка и большими выразительными глазами. Она занималась спортом, из них троих была самой заметной и при других обстоятельствах могла бы сделать карьеру топ-модели. Училась Татьяна хуже своих подруг: и способностей было меньше, и большого желания учиться не было. В институт ее пристроил папа, она сама быть учителем никогда и не мечтала. Но жизнь порой преподносит такие сюрпризы, что остается только руками разводиться. Именно Татьяна, из них троих самая неспособная к учительскому делу, поднялась в этом деле выше своих подруг. В настоящее время она занимала пост заместителя директора школы, а так как работала в той же школе, что и Анна, то и была теперь непосредственным начальником своей подруги. Вернее будет сказать, своей бывшей подруги.

Мама Анны, Вера Игнатьевна, работала учителем в начальной школе. Папа, Петр Иванович, болел уже тогда, но старался держаться, никогда не жаловался и даже продолжал работать. Большого достатка в доме не было, но всегда был лад, особенная атмосфера, какой Аня больше ни у кого не видела, атмосфера спокойствия, тепла и уюта. Петра Ивановича на стало шесть лет назад. После его смерти мать и дочь стали еще более близки и дороги друг другу, стараясь не потерять в этом мире, который становился все более жестоким, безжалостным. Ценности жизни, привитые родителями и принятые Анной, – не делай зла людям, не все измеряется деньгами, не предавай дружбы... – уходили, а новые, приходившие им на смену, пугали.

Катерина приехала «учиться на учительницу» из глухой костромской деревни. Крупная, несколько неуклюжая, с круглым простоватым лицом, в смешной старомодной одежде – многим сначала показалась легким объектом для шуток и розыгрышей. Но она так умела за себя постоять, что ее очень скоро оставили в покое. К удивлению, и училась неплохо, хотя и не казалась очень умной. Скорее смекалистой да хватистой. Несмотря на то, что ее деревенский налет сошел довольно быстро, осталась в ней какая-то не всегда уловимая деревенская сущность. «Есть в тебе, Катерина, такая здоровая деревенская обстоятельность, – подшучивала частенько Аня. – Ну, скажи, какая разница, знаем мы или нет, к примеру, как звали собачку «Дамы с собач-

кой»?» – Для тебя, может, и неважно, а для меня очень важно, – незлобливо отвечала та. – Мне эти незначительные детали помогают ориентироваться в главном.»

Сначала Катерина ничего не рассказывала о своей семье, и только спустя долгие месяцы подруги узнали ее невеселую историю. Мать, доярка, надрывалась на ферме и собственном огороде, стараясь прокормить семью, тяжким трудом зарабатывая на скудное пропитание. Отец, первый деревенский пьяница, семье не помогал ничем, пропивая небольшую пенсию своей матери и те небольшие деньги, которые удавалось стащить в семье. Он и умер-то так же нелепо, как жил. Зимой нашли мертвого в нескольких метрах от свинофермы. «Так и не знаем, зачем он туда шел, то ли согреться надеялся, то ли свинью утащить,» – горько пошутила Катерина. Она единственная из подруг подрабатывала все студенческие годы. Работу находила всегда, но денег на прожитие хватало не всегда. И когда Аня видела, что подруге приходится совсем уже туго, она под разными предлогами зазывала Катерину к себе, а там Вера Игнатьевна тут же усаживала за стол. «Знаешь, что я хочу тебе сказать, Анюта, – поделилась с ней как-то в минуту откровенности Катерина. – Самая страшная вещь на свете – бедность. Я это очень хорошо знаю, но я больше никогда не буду бедной.»

После окончания института она уехала работать в одну из сельских школ, но спустя года четыре вернулась в Кострому, да не одна, а с мужем. Вдвоем они привезли первона-

чальный капитал, на который начинали свой, первое время, небольшой бизнес. Где она заработала свои первые деньги? «Картошку сажали, поле такое огромное, что конца не видно. Представить себе, какой это труд ты не сможешь. Одно хочу сказать: если бы сейчас надо было начинать все сначала, я бы, наверное, уже не смогла.» Вот так дела Аниной подруги пошли в гору, а дела самой Ани под гору. Теперь у Катерины был собственный ресторан русской кухни, большой, популярный в городе, бар и масса проектов на будущее. Все крутилось вокруг нее, все работало как хорошо отлаженный механизм. В браке ей тоже повезло: Иван был работящий и покладистый, именно такой мужчина нужен женщине с ее характером и планами на будущее. Катерина очень изменилась, трудно было узнать прежнюю, простоватую на вид, плохо одетую студентку. Красоты в ней не прибавилось, но появился класс, подкрепленный уверенностью в себе и дорогой одеждой. Вскоре после возвращения в Кострому она разыскала свою подругу, и прежняя дружба возобновилась сразу, как будто никогда и не прерывалась. Только роли их поменялись: теперь Катерина помогала Анне, стараясь делать это незаметно и ненавязчиво.

3

Аня шла к Катерине, потому что как никогда ей нужны были сейчас умный совет и дружеское участие.

Сидя за столом в своем кабинете, Катерина разговаривала с несколькими подчиненными. Увидев подругу, она сделала ей знак рукой. Проходи, располагайся и подожди немного. Анна устроилась в большом и удобном кресле, взяла, было, со столика рядом какой-то журнал в яркой глянцевой обложке, но читать не смогла. Отложив журнал, она огляделась по сторонам. Сколько раз она побывала здесь, но всегда отмечала спокойную неброскую элегантность кабинета. Красивая мебель, удобные кресла насыщенного зеленого цвета прекрасно гармонировали с бежевым пушистым ковром на полу. Несколько аксессуаров светлого зеленого цвета разнообразили и завершали интерьер. Чувство гармонии и стиля жило в Анне с детства. Она всегда, порой бессознательно, отмечала диссонанс в окружающем: в одежде проходящих мимо и находящихся рядом людей, в окружающей обстановке, даже в тоне разговора... Мама рассказывала, что уже года в три-четыре дочь объявляла о своем праве выбирать себе одежду, настаивала на своей самостоятельности. И даже сейчас, очень стесненная в средствах, умудрялась не выглядеть плохо, безвкусно одетой. Что-то будет через несколько месяцев? Занятая своими невеселыми мыслями, Анна и не заметила, что подчиненные уже ушли, и не сразу услышала, что Катерина к ней обращается.

– Ой, Кать, прости, задумалась, – стараясь говорить спокойно, извинилась она. – Рассматриваю твой кабинет, замечательно выдержан в стиле и цвете. Ты молодец. О чем там

ты меня спрашивала?

– Да не я это молодец, я здесь ни при чем. Стиль и цвет это по твоей части. У меня же профессиональный дизайнер работал, ты знаешь. А спрашивала я у тебя, как у вас там дела, в народном образовании?

– Как всегда, не хватает денег, а проблем хватает. Но я к тебе не проблемы народного образования пришла обсуждать.

– Прости, подруга, забыла, совсем я замоталась со своим бизнесом, – извинилась в свою очередь Катерина. – Ну что, развелась наконец со своим охламоном?

– Развелась, – без особенной радости подтвердила Анна.

– Не переживай, все наладится, все к лучшему, не все еще потеряно, – почти дословно повторила Катерина фразу Веры Игнатьевы.

– Кать, я к тебе поговорить пришла. У меня все так плохо... Надо кому-то выговориться... Кроме тебя некому. Не знаю, чем ты можешь мне помочь, но хотя бы выслушай.—

– Так, дорогая моя подруга, – решительно ответила та. – Ты наверняка еще не обедала, я тоже. Сейчас мы с тобой пристроимся в тихом уютном уголке, хорошо пообедаем и спокойно поговорим.

Через несколько минут они уже сидели в укромном уголке ресторана. Катерина приказала официантке накрыть на стол и удалиться, не мельтешить перед глазами.

– Выпей водочки, совсем немного, сразу лучше будет, – посоветовала она.

– Не могу я, Катя, водку пить, меня от одного ее вида и запаха мутит. У меня на эту водку аллергия на всю мою оставшуюся жизнь.

– Тогда несколько глотков коньяка тебе сейчас просто необходимы. И не возражай мне! Пей и ешь, потом будем разговаривать.

«Да я и в самом деле голодна!» – с удивлением подумала Анна про себя. Несколько глотков коньяка приятно согрели, а еда показалась на удивление вкусной. Некоторое время они молча ели, а затем Катерина, которая закончила этот поздний обед первой, первая и заговорила:

– Послушай, что я думаю. Тебе надо как можно быстрее отселить от вас твоего бывшего мужа. Без этого ты свою жизнь не наладишь.

– Легко сказать. А как это сделать? На что я могу разменять свою двухкомнатную хрущевку? Знаю, знаю, что ты хочешь мне сказать, – заторопилась Аня, заметив возражающий жест подруги. – Нам надо съехаться с мамой, а моему бывшему мужу оставить мамину квартиру. Но я не могу, я никак не могу на это согласиться! Ты же прекрасно знаешь, что когда-то мои родители разменяли свою замечательную квартиру, чтобы выделить нам эту, а сами остались в однокомнатной. А теперь я должна лишиться свою мать и этого, хоть и маленького, но своего уголка. И для кого? Для алко-

голика, который быстро все проплет. Нет, ни за что! Мама уже не молода, она часто болеет, и ей хочется хоть иногда побыть одной. Я ведь знаю, как я ее достаю своими проблемами! Она мне этого никогда не говорит, но я точно знаю!

– Да что ты так растарактелась-то, я и не думала ничего такого предлагать. Слушай меня внимательно и не перебивай. Надо твоему бывшему купить самую дешевую жилплощадь, какая есть. Небольшую комнату в деревянном доме где-нибудь в Ребровке или в каком-нибудь старом общежитии. Я точно не знаю, сколько сейчас стоят такие комнаты. Надо навести справки. Денег я тебе дам. В долг! – добавила она решительным голосом, пресекая возможные возражения. – Будешь мне отдавать каждый месяц определенную сумму.

– Катерина, с ума ты сошла, что ли? Ты же прекрасно знаешь учительские зарплаты! Как я могу с них отдавать тебе каждый месяц определенную сумму? Нам денег хватает только на самое необходимое. Да что я тебе рассказываю, ты и так все знаешь.

– Ты меня будешь сегодня слушать или нет? – рассердилась подруга. – Тебе надо наконец начать решать всерьез твои проблемы. Что изменится в вашей жизни, если этот... этот алкаш останется жить с вами? Скажи мне, на кой черт тогда нужно было разводиться? Если ты о себе не думаешь, подумай о своих дочерях! О маме своей подумай! Что у них за жизнь? Так, возвращаемся к нашему разговору. Я тебе подработку найду, недавно, кстати, одна клиентка со-

стоятельная спрашивала. Работа не престижная будет, сразу скажу, но зато платить будут хорошо. Скорей всего будешь уборщицей в каком-нибудь богатом доме. Вот из этой дополнительной зарплаты и будешь со мной рассчитывать потихоньку.

– Я там долго не наработаю, – нерешительным голосом проговорила Анна. А затем вздохнула, собираясь добавить что-то важное, но смелости не хватило.

– Как это ты долго не наработаешь? Да что с тобой в конце концов? – не своим голосом завопила Катерина. – Да если бы мне кто-нибудь сказал, что для того, чтобы выбиться из бедности я должна на пузе проползти от Костромы до Караваяво и обратно, я бы ни минуты не думая, поползла! А ты тут...

– Беременная я... – набравшись наконец смелости, проговорила Анна.

– Что??! От кого?

– Все от того же...

– Ой, дуры, бабы, дуры! – давно забытым деревенским голосом запричитала Катерина. – Как хоть тебя угораздило? О чем ты думала, глупая твоя голова?

– Помнишь, несколько месяцев назад Сергей в очередной раз бросал пить? Мы уже были в стадии развода, ждали суда. И вот он стоял передо мной на коленях, умолял простить, клялся, что бросил насовсем. И не пил... месяц или чуть больше. Вот тогда это и случилось.

И не в силах больше сдерживаться, Анна зарыдала так

горько, что растерялась даже всегда решительная Катерина. Некоторое время она молчала, не зная, что говорить, как успокоить отчаявшуюся подругу, а затем робко предложила:

– Надо бы аборт сделать...

– Поздно уже аборт делать, срок большой у меня. И потом мне кажется, что в этот раз мальчик у меня будет.

– Одумайся, Анна, что ты городишь, какие мальчики в твоём-то положении! Да ещё от алкоголика! Ты знаешь, что можешь родить больного ребенка?

– Я точно знаю, что ребенок родится замечательный. Только две вещи у меня в этой жизни хорошо получаются: в школе работать да рожать детей замечательных.

Несмотря на то, что ситуация для веселья была неподходящей, Катерина невольно улыбнулась.

– Кать, если бы ты знала, как я сожалею о случившемся... Как я ругаю себя. Не только за беременность эту, но и за многое другое. За то, что доверчива очень, за то, что постоять за себя не могу, за то, что в жизни ничего не добилась. Моя мама и мои дочери – самые дорогие мне люди на этой земле, а я им счастья дать не могу. Но одно я решила твердо – Сергей мне больше не нужен, не нужен никакой. Чудес в жизни не бывает, но если бы чудо случилось, и он стал бы прежним Сергеем и приехал бы за мной, ну не знаю, на белом «Мерседесе» что ли, я бы и тогда сказала: «Нет!»

– Не ругай себя очень, – медленно заговорила Катерина. – Мы и любим-то тебя за то, что ты такая: открытая и довер-

чивая, и совсем не пробивная. А скажи мне, кто-нибудь еще, кроме нас, знает о том, что ты беременна?

Казалось, какая-то мысль, пока еще не совсем ясная, пришла ей в голову. В трудных житейских ситуациях Катерина всегда мыслила трезво и здраво, а затем принимала быстрые и правильные решения.

– Никто не знает. Как я могу сказать об этом маме? И потом я сама только недавно поняла, что беременна.

– ???

– Знаю, знаю, что это звучит по меньшей мере странно, но я думала, что задержки у меня из-за стресса в связи с разводом и всем этим кошмаром последних месяцев. И потом не до себя мне было все это последнее время.

– Подожди еще несколько дней, ни в коем случае никому ничего не говори. Я сегодня в Москву уезжаю по делам, дня на два-три. Как приеду, тебе сразу позвоню. А теперь давай сменим тему. Скажи мне, Танька тебя по-прежнему достает?

– По-прежнему, – вздохнула Анна. – Пристает по всякому поводу, а главное без повода. И я по-прежнему не могу понять, чего ей надо.

– Наивная ты очень, Велехова. Неужели никогда не замечала, что Танька сгорает от зависти и ревности? А началось это, дорогая моя, еще в институте. И вот теперь, когда подруга наша бывшая завучихой стала, она всем, а тебе в первую очередь, хочет показать, что это не ты, а она выше и лучше.

– Ну что ты несешь, Кать? Я же в этой жизненной гонке

далеко позади вас бегу. И потом мне всегда казалось, что мы подругами были, а не конкурентками.

– Вот именно, казалось. Раскрой ты глаза пошире, в твоём возрасте и в твоём положении пора бы уже реалисткой быть. Не все люди такие миленькие, добренькие и бескорыстненькие, как ты думаешь. Ладно, давай прощаться, у меня дел очень много. Встретимся через несколько дней, договорим.

– Да и мне пора, я обещала маме через два часа быть, – спохватилась Анна.

Они вернулись в кабинет, где Катерина достала из-под стола увесистый пакет и протянула его подруге. Похожая сцена повторялась каждый раз. Анна знала, что в этом пакете, и начинала отказываться его брать. Катерина в свою очередь приводила всегда одни и те же доводы о том, что это не для нее, а для ее дочерей, что для того, чтобы нормально расти, они должны нормально питаться. И с этим нельзя было не согласиться. Взяв пакет и прихватив свой выдавший виды зонтик, Анна пошла к выходу.

– Стой! – командным голосом прокричала ей в спину Катерина. – Что это у тебя в руках?

– Твой пакет.

– А еще?

– Моя сумка и мой зонтик.

– Дай-ка мне посмотреть твой зонтик.

Удивленная, Анна протянула подруге свой зонтик. Та взяла и... бросила его в мусорную корзину. А затем, открыв

шкаф, достала свой, новый, и протянула его Анне со словами:

– В новую жизнь с новым зонтом!

– Спасибо, Кать, – только и смогла проговорить гостья и быстро вышла из кабинета.

4

Следующее утро началось как обычно, как будто и не было двух важных событий, случившихся накануне: ее развода, который наконец-то состоялся, и откровенного разговора с Катериной, самой близкой, лучшей подругой. Как обычно, Анна встала первой, на сорок пять минут раньше своих дочерей. Сергей дома не ночевал, и это была хорошая новость. Анна любила эти полчаса с небольшим, которые принадлежали только ей. Она могла спокойно, не торопясь умыться и одеться, выпить кофе и даже почитать несколько минут перед тем, как включиться в ежедневный непростой ритм жизни много работающей женщины. Но сегодня ей не читалось. Невеселые мысли о будущем не оставляли ни на минуту. При разводе они с Сергеем договорились: комната побольше, но проходная – ему; комната поменьше, но изолированная – ей с дочерьми. «Как мы будем жить вчетвером на такой крохотной площади? Даже сейчас это трудно назвать нормальной жизнью. Что же будет, когда дети начнут взрослеть? Как с моей зарплатой обеспечить их всем необ-

ходимым? Работать еще больше? Тогда я буду видеть своих детей еще меньше, а денег все равно не хватит. Да и мама не железная. Ей и так достаётся.» Она вспомнила произнесенную вчера дважды фразу: «Все наладится, все к лучшему.» Пока что все, что ни происходит в ее жизни, все к худшему.

И, вздохнув, вернулась к своим повседневным обязанностям: разбудить, накормить завтраком (спасибо Катерине, хороших продуктов хватит на несколько дней), собрать в школу и в детский сад. Ее девочки как будто чувствовали настроение матери, и так не капризные, сегодня они были особенно милы и послушны. Часа через полтора она уже выходила из дома вместе с дочерьми, Надей и Настей. Младшая, Настя, ходила в детский сад рядом с домом. Отвести ее туда было делом нескольких минут. Дальше они ехали на автобусе в одну и ту же школу: Анна работать, а Надя учиться.

Школа. Это было единственное место на земле, куда Анна всегда шла с особенной радостью. Она родилась учительницей, как другие рождаются художниками или музыкантами. Когда она переступала порог школы, все ее беды и неприятности оставались позади. Здесь была ее стихия, здесь она чувствовала себя свободной и счастливой. Ей удавалось найти контакт с любым классом, а на ее открытых уроках кабинет всегда был переполнен.

Несколько лет назад, когда все население России ринулось

торговать, и страна стала похожа на одну большую, очень большую барахолку, Анна после долгих раздумий тоже решила попробовать. «Вдруг у меня получится? Ведь кто только не стоит сейчас на рынке. Нужда заставит – займешься чем угодно, лишь бы денег заработать. Да и не все те, кто торгует теперь на рынке, родились торговцами. Может, и мне удастся профессию поменять. Почему бы и нет, если это даст нам возможность жить лучше. На Сергея надеяться нечего, он уже несколько лет не имеет постоянной работы, перебиваясь случайными заработками, и от этих заработков нам ничего не достается, все на водку уходит.»

В летний отпуск, попросив в долг, как всегда у Катерины, она отправилась в Москву, на оптовый рынок. Ее карьера в области рыночной торговли закончилась быстро, не успев даже толком начаться. По возвращении из Москвы она нашла в автобусе только одну свою сумку с товаром. Две другие исчезли бесследно. Аня простояла на рынке с этим товаром неделю, каждый день отправляясь туда, как на пытку, каждый день сторя от стыда.

Итог ее первой и последней торговой операции был неутешительный: потери больше, чем заработок. И окончательная уверенность в том, что торговля не для нее. Права была мама, уговаривавшая даже и не начинать. «Ты на себя посмотри: какая из тебя торговка? Или украдут у тебя все, или даром все людям раздашь.»

Так она вернулась в школу, к своей большой радости.

Только теперь, чтобы больше заработать, приходилось брать все уроки, какие предлагали...

5

Школа встретила привычным гулом. Окунувшись в него, поднимаясь по лестнице и отвечая на приветствия учеников, Анна чувствовала, как всегда, радость и легкое волнение от предстоящего дня. Но... Невозможно предугадать, что нам принесет каждый, едва начавшийся день.

На большой перемене ее вызвали к директору. В кабинете, кроме директора сидела Татьяна Борисовна, бывшая подруга и нынешняя начальница.

«Почему это у нее вид такой обиженно-оскорбленный?» — успела подумать Анна.

— Анна Петровна, — начала без предисловий директор. — Вы в пятницу факультатив не в своем кабинете проводили?

— Не в своем, — подтвердила она, ничего не понимая. — В моем кабинете рабочие доску новую вешали.

— И вас к себе пустила Татьяна Борисовна?

— Да. А в чем, собственно, дело?

— А дело, собственно, в том, что после Вашего факультатива со стола Татьяны Борисовны пропала дорогая коллекционная ручка.

— Я и не знала, что она коллекционная. Так она вроде бы нашлась.

– Да, нашлась, но для этого Татьяне Борисовне пришлось провести ряд розыскных мероприятий.

– Каких мероприятий? – не поверила своим ушам Анна.

Это было уже слишком. Сразу после факультатива она вернула ключи и начала проверять тетради, когда в учительскую вошла экс-подруга.

– Анна Петровна, у меня со стола пропала дорогая ручка. Посмотрите, пожалуйста, не Вы ли прихватили случайно?

– Ничего Вашего я не прихватила, не случайно, не неслучайно, – вспыхнув, ответила она.

– Тогда, значит, кто-то из Ваших учеников стибрил, – резюмировала экс.

– Ручаться за всех своих учеников я, естественно, не могу, но обещаю Вам разобраться в происшедшем. Не сегодня, т.к. все уже ушли домой. Но завтра с утра я думаю, что мы эту проблему решим.

– Ох, уж эти наши ученики, глаз да глаз за ними нужен всегда, – фальшиво посетовала когда-то подруга, выходя из учительской.

Следующим днем была суббота, и первым уроком в ее классе была математика. Попросив у учителя математики пять минут от урока, («Поверь, вот так нужно!») она вошла в класс и выложила своим ученикам все, что она о них думает.

– Я даже не хочу знать, кто это сделал. Главное – сде-

ланную глупость надо исправить. Давайте договоримся так: до большой перемены ручка должна лежать на месте. Покиньте головами, если согласны.

Ответом ей было дружное кивание.

На втором уроке в дверь ее кабинета постучали. За дверью стоял Дима Павлов. К его слову прислушивались.

– Анна Петровна, проблему решили, как договорились, – прошептал он и помчался по коридору

– Спасибо, Дима, – в спину ему успела ответить она.

И вот теперь... «Бред какой-то.»

– Ирина Васильевна, – начала провинившаяся. – Не все было так, как доложил Ваш заместитель. Но я думаю, что оправдываться и доказывать что-либо бессмысленно, ведь точка зрения у Вас уже сложилась. Поэтому давайте сразу перейдем к морали.

– А никакой морали нет, Анна Петровна, – почти добродушно ответила директор. – Я просто хотела Вас призвать к тому, что нужно работать дружно, дуть в одну дуду и не подводить друг друга. Да и у Татьяны Борисовны к Вам особых претензий нет, хотя ей и пришлось потратить время на то, чтобы разыскать пропажу.

Выходя из кабинета директора, Анна чувствовала себя гадко.

«Как все это мерзко, а, главное мелко! Мелко-подленько. У нее ко мне претензий нет! А у меня есть! Я не могу понять,

зачем она все это делает. Может, подойти и прямо спросить? Нет, тут-то я ее реакцию знаю. Она мне ответит, мило улыбувшись: „О чем это Вы, Анна Петровна? Я Вас не понимаю.“ Ну почему нам не дано заглянуть внутрь другого человека, чтобы понять мотивы его поступков. Неужели Катерина права, и это ревность? Но ревность к чему?»

Настроение было испорчено на весь рабочий день.

Во второй половине дня, закончив уроки, она спускалась по лестнице со своего второго этажа. Татьяна Борисовна поднималась ей навстречу.

– До свидания, Шерлок Холмс, – не выдержав, съязвила Анна.

А потом ругала себя по дороге домой. «И зачем я это сделала? Что я этим докажу? И вдобавок дала хороший повод для продолжения войны. Ну и пусть. Должна же я хоть иногда постоять за себя.»

6

Катерина позвонила в пятницу вечером. Дочери спали, и поэтому Анна ответила шепотом.

– Это я, – почему-то тоже шепотом заговорила Катерина. – Ты в понедельник как работаешь?

– Как обычно, целый день.

– Без перерыва?

– Будет перерыв между сменами, часа полтора-два.

– Замечательно. Я за тобой заеду, поедem на природу, там поедим и поговорим.

– Куда поедem? – не поняла Анна.

– На природу, дурочка, – ласково ответила Катерина. – В понедельник все узнаешь. Спокойной ночи, дорогая моя подруга.

Вот уже сколько лет Анна не знала, что такое спокойная жизнь. Чувство тревоги постоянно жило в ней, то затихая ненадолго, то возобновляясь с новой силой.

Года три назад она вычитала в одной статье, что все жены алкоголиков похожи друг на друга, что на их лицах одинаково отражаются одинаковые чувства: чувство безнадежности, постоянной тревоги, покорности судьбе и еще что-то неуловимое, что было названо в статье синдромом жены алкоголика. Эти женщины теряют интерес к жизни, перестают замечать ее разнообразие и, все более погружаясь в свою беду, опускаются все ниже. Так алкоголик, падая сам, тянет за собой свою семью. Анна любила жизнь во многих ее проявлениях. Смена времен года, литература и искусство, окружающие ее люди, ее работа и ее ученики, и еще многое другое было ей интересно и важно. «Кать, – спросила она подругу некоторое время спустя. – Скажи, я похожа на жену алкоголика?» – «Слава богу, нет, – ответила всегда с ней откровенная и сразу все понявшая Катерина. – И знаешь, почему? Тебе родители столько хорошего передали, что продержишься еще, не знаю, сколько.»

После этого она старалась еще глубже прятать от людей свои проблемы, не замыкаться в себе, оставаться открытой для общения и всего, что ей было интересно. Но тревога, неуверенность в завтрашнем дне, страх за себя и за детей – всегда оставались внутри нее.

Короткий вечерний разговор принес неожиданное облегчение, какую-то неясную надежду. Надежду на что? Она не знала. Но уверенность подруги странным образом передалась ей. «Все наладится, все к лучшему.» Неужели это может действительно произойти? Неужели может действительно закончиться длинный и такой тяжелый период ее жизни?

Со смутной надеждой на что-то лучшее впереди она спала спокойно, в первый раз за много дней.

Катерина ждала ее в машине недалеко от школы. Некоторое время они молча ехали по городу, а затем машина свернула в сторону Берендеевки. В парке в это время дня было безлюдно. Конец сентября, и со вчерашнего дня установилась безветренная и солнечная погода. Дорожки парка были устланы опавшими листьями, которые тревожно шелестели под ногами.

– Сядем здесь, – остановилась Катерина около одной из скамеек. – Скамейка чистая и на солнечной стороне, заодно и погреемся на солнышке.

– Похоже на эпизод из шпионского фильма «Встреча секретных агентов в безлюдном месте», – пошутила Анна.

– Прямо в точку. Я действительно выбирала место, где нас никто не может услышать, даже случайно. Держи бутерброд, разговор будет не коротким, пообедать времени не останется.

– Кать, ты меня пугаешь. К чему эта секретность?

– Секретность, дорогая моя, необходима, и ты сейчас поймешь, почему. Но вначале я хочу тебя попросить о двух вещах. Первое: не отвергай сразу то, что я тебе предложу. Подумай хорошенько, я со своей стороны уверена, что это единственный выход в твоей ситуации. Второе: об этом не должна знать ни одна живая душа. Это в твоих и в моих интересах тоже. Даешь мне слово?

– Даю, конечно. Кать, это в самом деле так серьезно?

– Очень серьезно. А теперь слушай. В Москве есть одна фирма, которая работает по связям с заграницей: туристические и деловые поездки, контракты и т. д. Но это одна сторона их деятельности, легальная. Другая, нелегальная: они отправляют за границу, чаще всего в США, оказавшихся в сложной ситуации русских беременных женщин. Там эти женщины заключают контракт с богатыми и очень богатыми супружескими парами, которые по разным причинам не могут иметь детей. Женщины остаются в стране до момента рождения ребенка, затем оставляют его в той семье, с которой заключили контракт, получают деньги и возвращаются в Россию.

– Продают своих детей?! – ужаснулась Анна.

– Если хочешь, это можно назвать и так.

– И ты решила предложить мне сделать также?

– Да. Я слышала краем уха об этой фирме раньше.

А на прошлой неделе, когда была в Москве, разузнала обо всем поподробней и даже нашла людей, которые помогут тебе попасть туда, потому что, сама понимаешь, просто так, с улицы, тебя никто не возьмет. Дело-то не совсем законное и даже совсем не законное.

– И ты всерьез мне все это говоришь?

– А ты как думаешь?

– Кать, ты хоть понимаешь, что ты мне предлагаешь? Я же всю мою оставшуюся жизнь буду чувствовать себя виноватой и несчастной!

– А сейчас ты счастлива? А сейчас ты не чувствуешь себя виноватой? Разница только в том, что сейчас ты чувствуешь себя виноватой перед тремя самыми близкими тебе людьми, а через несколько месяцев их будет уже четверо. А ситуация твоя останется прежней, нет, не прежней, она будет еще хуже, чем теперь. Но теперь ты можешь ее изменить, а потом будет слишком поздно.

– Но мой ребенок...

– Конечно, твой. Но разве ты его хотела? Разве он будет долгожданный? Он ведь не просился на этот свет, это глупая мамаша его зачала, а теперь не знает, что с ним делать. И ты, уверена ли ты, что он скажет тебе потом спасибо? Уверена ли ты, что он не спросит тебя: зачем ты меня рожала, если нам

даже жить негде? Уверена ли ты, что твои дочери не спросят тебя о том же самом?

Анна молчала: ни один разумный довод в голову не приходил. Так сидели они некоторое время молча, наблюдая за голубями, которые прохаживались неподалеку.

– Боже мой, Катя, – первой прервала молчание Анна. – Я же понимаю, что во всем, что ты говоришь есть значительная доля правды. Но знала бы ты, как холодеет на сердце от одной мысли, что я могу решиться на такое...

– В общем так, дорогая моя, думай и решай. Я хочу тебе сказать, что если ты откажешься, честное слово, я больше никогда не вернусь к этому разговору, никогда тебе его не напомню и никогда тебя не укорю. Но если ты примешь решение, если согласишься, я помогу тебе во всем. Я даже уже продумала, как надо все это организовать. Но о подробностях и деталях не сейчас. И еще одно, очень важное. Я хорошо понимаю, что то, что я тебе предлагаю не лучший выход, но другого я не вижу. Я не знаю, как по-другому... И если это грех... Конечно, это грех, я готова разделить его с тобой.

Они помолчали еще некоторое время. А затем Аня робко предположила:

– Думать и решать надо, конечно, быстро.

– Да, времени у тебя немного. На все про все несколько недель, максимум месяц. Скоро твой живот будет заметен, и тогда ничего уже нельзя будет изменить.

В ответ Аня только кивнула головой. Говорить она не могла: мешал комок в горле и близкие слезы.

Оставив нетронутые бутерброды на скамейке, они вернулись к машине. Обратную дорогу тоже молчали, любые слова сейчас казались лишними, неуместными.

7

Несколько следующих дней прошли как в тумане. Она разговаривала, отвечала на вопросы, выполняла привычные обязанности, но думала все время о другом. Мысли бились и путались в голове, не давая сосредоточиться. Она не знала, всем ли это было заметно, но ее старшая дочь, Наденька, деликатная и проницательная не по годам, заметила как-то утром:

– Мам, у тебя все в порядке?

– Да, конечно. Почему ты спрашиваешь?

– У тебя глаза какие-то...

– Какие? Грустные?

– Нет, не грустные... Да, грустные, но они у тебя уже давно грустные, а сегодня они еще вдобавок, – Надя задумалась, подбирая подходящее слово. – Они еще вдобавок далекие.

– Ну, что ты, доченька. Я просто думаю о работе, о том, как сложится сегодняшний день. Надеюсь, все у нас сегодня будет хорошо.

– Тогда я хочу тебе напомнить, что пятница – послед-

ний день, когда надо сдать деньги преподавателю по танцам на новые костюмы. У нас есть деньги?

– Есть небольшой резерв. Завтра заплатим. Только потом придется жить экономно. До зарплаты еще неделя, если, конечно, опять не задержат.

– Мам, необязательно об этом и говорить, – рассудительно, как взрослая, вмешалась вдруг младшая, шестилетняя Настя. – Мы и так всегда живем экономно.

– А ты не повторяй чужие слова, которые взрослые говорят, – поддела ее Надя.

– А я и не повторяю. Я сама знаю, что надо говорить.

– Хватит спорить, умницы вы мои, – остановила их Анна. – Одеваемся, выходить пора.

В этот день она закончила работу на полтора часа позже обычного: заменяла заболевшего коллегу. Полумертвая от усталости и неотвязных мыслей, почти в шесть часов вечера вышла она из школы. Дочери были у Веры Игнатьевны.

– Мам, а я уже все уроки на завтра сделала, – радостно встретила ее у порога Надя. – Мы с Настей телевизор смотрим.

– Устала? – участливо спросила Вера Игнатьевна.

– Очень. Голова гудит, ноги не держат, и несколько пачек тетрадей еще проверить надо.

– Поешь?

– Не понимаю даже, хочу есть или нет.

– Поешь, поешь, мама, – прокричала из комнаты Надя. – У бабушки такой борщ вкусный!

– Ну, давай, – согласилась Анна. – Дома готовить не придется, раз девочки тоже у тебя поели.

8

По дороге домой она продолжала думать о своем и не с первого раза услышала Настю, которая, не получив ответа на свой вопрос, начала дергать ее за руку.

– Мам, ну мам, ты что, не слышишь, что ли?

– Слушаю, слушаю, что случилось?

– Скажи, что такое нищенка?

– Что? Что? – не поняла Анна.

– Я тебя спрашиваю, что такое нищенка. Сегодня Олеся Кравченко принесла в садик очень красивую куклу. Я попросила: «Олеся, дай поддержать.» А она мне говорит: «Не дам я тебе ничего, нищенка. Свою надо иметь.»

Анна резко остановилась. Как будто что-то горячее обожгло ее всю. Она не сразу нашла, что ответить.

– Не слушай ты всяких дур, – пришла ей на помощь старшая. – Мы не нищие.

– А кто такие нищие? – не отставала Настя.

– Нищие – это те, кто беднее бедных. И это не мы, – строго ответила Надя.

– А мы, мы просто бедные. Да, Надь?

– Послушай, любимая моя дочурка, – присев перед ней заговорила наконец Анна. – У тебя будет новая и очень красивая кукла.

– Лучше Олесиной?

– Гораздо лучше. Только потерпи немного, совсем немного.

– Хорошо, мама, я потерплю, – глядя ей прямо в глаза, ответила дочь.

Было уже совсем темно, когда они пришли к себе домой. Анна замешкалась в прихожей, освобождаясь от тяжелой сумки и помогая Насте раздеться. Надя прошла на кухню попить, и тут же оттуда раздался ее удивленный возглас:

– Ой, мамочка, кажется, нас обокрали!

Через мгновение они все трое стояли на кухне перед раскрытой настежь дверцей холодильника. Холодильник был пуст. Два разбитых яйца и открытая банка, из которой вытекло варенье, лежали рядом на полу. Ошеломленные, некоторое время они молча смотрели на все это, не веря своим глазам.

– Это, конечно, папа сделал, – отчеканивая каждое слово в звенящей тишине, сказала Надя. – Понес еду своим алкоголикам.

– А мы что же есть будем? – заплакала Настя. – Он все унес!

Анна прислонилась к дверному косяку, боясь упасть. Уже

не в первый раз Сергей уносил из дома еду, но чтобы так... Обобраз дочиста... Не подумав о том, что отбирает у собственных детей... Какие из человеческих чувств остаются в душе у алкоголика? И остается ли душа?

– Ничего, мама, его зато теперь дня три, точно, не будет. Мы хоть отдохнем, – попыталась вернуть ее к действительности Надя.

Подхваченная внезапной мыслью, она побежала в свою комнату, дочери за ней. Бывший муж побывал и здесь. Дверцы шкафа раскрыты, ящики стола выдвинуты. Вещи разбросаны повсюду: на кровати, на полу, даже на подоконнике. Анна нашла маленькую коробочку из-под часов, в которой она хранила свой небольшой денежный запас. Коробочка была пуста. До зарплаты оставалась неделя... «Не дать себе расплакаться! Только не дать себе расплакаться! Я должна быть сильной. Мои дочери смотрят на меня.»

– Так, дочурки мои дорогие, видите, как хорошо, что мы у бабушки поели, – попыталась улыбнуться она. – Мы сейчас все это быстро уберем, потом попьем чаю, я купила вкусное печенье, потом ко сну приготовимся, а потом будем лежать и о чем-нибудь приятном разговаривать.

– А как же мы теперь без денег и без еды жить будем? И за Надин костюм завтра надо деньги отдавать, – жалобно спросила Настя.

– Все у нас будет хорошо. Я вам обещаю, – твердо сказала Анна. – А теперь за работу.

Когда девочки уснули, она встала с постели и села за стол. У нее было много работы, но руки и голова отказывались ее делать. Долго сидела она за столом, уставившись немигающими глазами в одну точку. Потом подошла к окну. Город спал.

«Интересно, сколько в городе таких женщин, как я, таких невезучих, таких неудачливых горемык? – глядя в темные окна соседних домов, думала она. – А везучих? Женщин, у которых есть то, чего нет у меня. Надежного и любящего мужа, мужа, который приносит в дом деньги, а не ворует те жалкие гроши, которые заработала жена. Хорошей работы, нет, не так. Работы, которая дает хорошую зарплату. Не в деньгах счастье? Может быть... Но когда их совсем нет, о счастье думать уже и вовсе не приходится. Да, хорошие деньги дают независимость, помогают решить многие проблемы, дают возможность подняться на другой уровень жизни, а не биться в паутине грошовой экономии, края и перекраивая свой бюджет. И дети... Вот что еще тяжелей. Как им объяснить, почему у них нет того, что есть у других?..

И эти другие женщины, те, которые не знают, что такое пустой карман и пустой холодильник, не знают, что такое ты одна перед всеми трудностями и проблемами... они, эти везучие, они – лучше меня или нет? Если лучше, то что во мне не так? Если нет, то почему не я...? И еще, ценят ли они свое благополучие, дорожат ли им или воспринимают

все как нечто естественное? А я... Наверное, я могу еще какое-то время жить так, как сейчас. Но должна быть надежда. Надежда на то, что моя жизнь и жизнь моих дочерей может измениться к лучшему. И вот этой-то надежды у меня и нет... Вернее есть... Есть один-единственный выход... Но как решиться на такое? Не каждой женщине это под силу. Смогу ли я? Выдержу ли?..»

Только под утро она прилегла ненадолго. Эта бессонная ночь многое в ней изменила.

9

Катерина была еще в постели, когда зазвонил телефон. Она любила просыпаться на десять-пятнадцать минут раньше того времени, когда надо было вставать. Так лежала она с закрытыми глазами, отдаваясь течению своих мыслей, стараясь направить их в приятное русло, строя планы на предстоящий день.

Трубку взял муж. Он всегда вставал раньше ее и уже хлопотал на кухне.

– Да. Нет, она еще не встала. Что-то важное? Хорошо, сейчас, – доносился до нее его несколько удивленный голос.

– Это Анна. Говорит, что срочно. Ответишь? Или сказать, чтобы позвонила попозже? – прокричал он ей снизу.

– Уже отвечаю. Клади трубку, нечего слушать наши секреты, – придав голосу шуточный тон ответила она. Но на са-

мом деле ей было не до шуток. Катерина догадывалась, конечно, о чем пойдет разговор. Что-то скажет ей подруга?

– Да, Аня, слушаю.

– Кать, я согласна, – прозвучало в трубке. Говорила Анна, но голос был не ее. Сухой, безжизненный, без каких-либо эмоций голос.

– Аня, что-нибудь еще случилось?

– Да, случилось. У нас каждый день что-нибудь случается, но это уже неважно. Главное, что я приняла решение. Я согласна. Говори, что надо делать?

– Первое. Не ходи сегодня на работу. У тебя мало времени, а дел много. Позвони и скажи, что заболела. Больничный лист я тебе устрою. Он тебе тем более необходим, потому что в воскресенье надо уже ехать в Москву.

Трубка молчала.

– Эй, Аня, ты меня слышишь? – встревоженно спросила Катерина.

– Конечно, слышу. Слушаю и запоминаю, – все тем же странным голосом ответила та. – Встретимся сегодня?

– Да, конечно. Давай прямо с утра. У меня утром времени больше свободного. В 9 тебе подходит?

– Да, подходит.

– Тогда в 9 у меня. И еще... Аня, тебе сейчас много лгать придется. Постарайся сделать вид, что ты действительно больна, чтобы Надя случайно в школе не проговорилась.

– Если бы ты могла меня сейчас видеть, – горько усмех-

нулась в ответ подруга. – Мне и стараться не придется.

Закончив разговор, Катерина некоторое время не могла прийти в себя от удивления. Ее лучшая подруга! Аня, которую, как ей казалось она знает лучше, чем себя! Деликатная, больше всего на свете боящаяся причинить зло другим.

Жизнь сталкивала Катерину с очень многими и разными людьми. Анна была единственной... Многие ли знают, многие ли помнят Золотое правило нравственности? Она узнала о нем от Ани. «Никогда не делай другим того, чего бы ты не хотел, чтобы другие делали тебе.» Для ее подруги это была не только теория. И вот теперь... Предлагая Ане то, что она считала лучшим в сложившейся ситуации, Катерина была почти уверена, что та откажется. Что же еще случилось за эти несколько дней? Что так изменило ее?

Мысли ее вернулись к началу их общей студенческой жизни. Курс будущих филологов был многочисленный. Студенты еще не успели перезнакомиться и поэтому с любопытством приглядывались друг к другу. Катерина первая заметила Аню, которая выделялась среди других не красотой. Красивых, броских девушек на курсе было несколько, Татьяна среди них. Аня же выделялась особой манерой держаться, изяществом, внутренним достоинством, какой-то неопостижимой смесью вежливости и простоты. И одета она была не так, как другие студентки. Ничего броско-вычурного, ничего ярко-кричащего. О том, что это называют элегант-

ностью, Катерина узнала гораздо позже. «Наверное, аристократка какая-нибудь», – подумала она тогда. Ей, выросшей в условиях простой, почти примитивной деревенской жизни, Анна казалась представителем какого-то другого, незнакомого и потому манящего к себе мира. «Обязательно подойду и познакомлюсь первая, – решила она. – Может быть, подружмся.» И они действительно подружились. А позже к ним присоединилась Татьяна.

Ее воспоминания прервал муж, Иван. Войдя в комнату, он тихонько приблизился к ней и нежно поцеловал.

– О чем задумалась моя Катерина Большая? Завтракать будешь? У меня все готово.

За завтраком они обычно обсуждали предстоящие на этот день дела. Но сегодня Иван неожиданно заговорил об Анне. Чаще всего он не вмешивался в их дружбу, оставаясь несколько в стороне. Но Катерина точно знала, что он сочувствовал ее подруге и очень осуждал Сергея. Выросший в большой и дружной семье, где слово отца для всех было законом, Иван с детства был убежден в том, что ответственность и надежность – первые и главные мужские качества.

– Совсем плохи дела у Ани?

– Плохи, – откровенно ответила она.

– Такая женщина, как Аня, заслуживает лучшей участи и лучшего мужа, не такого, как этот отеребыш. Но, наверное, не все еще для нее потеряно?

– Думаю, не все. Ей, как и мне только тридцать шесть, и жизнь еще может наладиться.

– Скажи ей, чтобы она перестала жалеть всех подряд и выселила из своей квартиры этого... Пусть дальше сам живет как хочет, – серьезно сказал Иван.

– Вань, ты не будешь против, если придется помочь? – радуясь, что он первый заговорил об этом, спросила Катерина.

– Помочь как?

– И с переселениями этими и... материально. Она ведь не может выселить его в никуда. Он там прописан. Чтобы купить ему самую маленькую и плохонькую жилплощадь, несколько тысяч долларов выложить придется. У Ани таких денег нет, конечно. Мы можем дать ей в долг.

– Со своей учительской зарплаты она нам их тридцать лет отдавать будет, – улыбнулся Иван.

– Не так долго. У меня есть план. Если все удастся, как я предполагаю, через год отдаст, максимум через полтора, – привирая, ответила она.

«Добавим немного времени для надежности и чтобы менее подозрительно было. Так, на всякий случай.»

– Помогай подруге, стратег ты мой любимый, – снова улыбнулся Иван. – Советуешься со мной, а сама уже наверняка в голове все варианты прокрутила. Кто еще может помочь Ане, если не мы?

Стоя под горячим душем, Катерина радовалась тому, как

все удачно и естественно устроилось. Ситуация у ее подруги была критическая. Чтобы помочь ей выбраться, деньги требовались немалые. И это не те небольшие суммы, которыми она помогала раньше. Главой в их семейном бизнесе была, конечно, она, но деньги были их общие, вместе заработанные. Катерина ценила свой брак. Она очень хорошо понимала, как ей повезло с мужем. Иван был немногословный, несколько медлительный, но верный и надежный. Его поддержка, согласие и одобрение были ей необходимы.

«Должно, у нас должно все получиться, – размышляла она. – Должно. А если не получится? В любом деле, тем более в такой аванюре, какую я задумала, есть большая доля риска. Если не получится, то что теряю лично я? Только деньги и деньги немалые. Да, ладно, черт с ними, заработаем. Что остается? Остается дружба, а настоящую дружбу ни за какие деньги не купишь. Помогу Ане, без меня, без нас ей не выкарабкаться. Освободится от своего бывшего, а там, глядишь, и остальное наладится. Впрочем, знаю ведь я хорошо ее характер. При любом раскладе ей важно будет со мной рассчитаться.»

Когда ровно в 9 дверь открылась и в кабинет вошла Анна, Катерина едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть: Боже мой, да что же это такое? До чего ты дошла! Подругу бы-

ло не узнать. Все последнее время было не лучшее время ее жизни, но так плохо она еще не выглядела. Осунувшееся серое лицо и глаза... Глаза отчаявшегося, потерявшего последнюю надежду человека. «Нет, о деле с ней сразу говорить нельзя, нельзя ни в коем случае! Надо ей дать время оттаять немного.»

– Привет! Я позавтракать сегодня не успела. Позавтракаем вместе? – и не дожидаясь ответа, распорядилась. – Кофе нам крепкого и пирожных побольше!

С деланным аппетитом уплетая завтрак, она размышляла о том, как разрядить напряженную ситуацию. Не додумавшись ни до чего и решив, что дипломатия тут ни к чему, она начала без предисловий.

– Прежде чем о деле начнем говорить, я хочу тебя спросить... Ань, я же вижу, что что-то еще произошло, что-то, что перевернуло тебя всю... Не держи в себе, поделись со мной. Ты знаешь: мне можно доверять. С друзьями ведь и радость делят, и горе. Радость у нас с тобой еще будет, а горе...

– Настю вчера в садике нищенкой обозвали, и Сергей унес из дома все продукты, все, до последней луковицы. А чтоб нам совсем уже плохо было, и деньги прихватил, тоже все, до последней копейки.

– Иди ты!

– Вот тебе и иди ты. Детям в садик разрешают приносить свои игрушки. Многие приносят, а у некоторых красивые

и дорогие. Одна девочка принесла красивую куклу. Настя попросила подержать, а та ответила: «Свою надо иметь, нищенка.» Я изо всех сил стараюсь держаться на поверхности, наивно думаю, что мне это удастся, а людям со стороны виднее. Если уже даже дети говорят...

– Дети повторяют то, что говорят взрослые.

– Да знаю я, знаю. Кать, то, что вчера с нами произошло, многое во мне изменило, заставило посмотреть на жизнь другими глазами. Особенно то, что произошло в детском саду. Сергей... Как ни печально об этом говорить, но он – человек без будущего. Я столько за него боролась... но теперь все. Пусть катится вниз дальше, но без меня, без нас. И сейчас главное для меня – мои дочери. Я хочу, чтобы они хорошо жили, чтобы не нуждались, как теперь, в самом необходимом, чтобы больше никто и никогда в жизни не посмел их нищенками называть. Неправду говорят, что бедность – не порок. Порок. Знаешь, в моем классе есть одна девочка. Очень хорошая девочка: умная, добрая, красивая. И вот эта девочка в прошлом учебном году перестала ходить на наши классные мероприятия. В этом году она тоже не пришла на наш вечер по случаю начала учебного года. Я пригласила ее маму поговорить, что случилось. И мама мне говорит: «Анна Петровна, она категорически отказывается ходить на Ваши мероприятия. В прошлом году одноклассники ее обсмеяли, спросили с издевкой: „Ты что, Мартьянова, до окончания школы на все вечера собираешься ходить в од-

ном и том же? Какая редкая верность! А может, у тебя больше и нет ничего?“ Она вернулась домой со слезами, а у меня нет возможности одевать ее, как другие родители одевают своих детей. Я минималку получаю.» И вот, Катя, эта замечательная девочка сидит теперь дома. Хорошо, если в будущем найдется кто-нибудь, кто сможет оценить все то хорошее, что в ней есть... И я не хочу, не могу допустить, чтобы мои дети вот так же на обочине жизни остались. Я твердо решила: пожертвую этим третьим, еще не родившимся ребенком, ради двух, уже родившихся, – и отступать не буду! Выкладывай свой план.

– Слушай и запоминай хорошо, потому что, сама понимаешь, записывать ничего нельзя. Первое...

Они разговаривали около часа. Слушая подругу и стараясь ничего не упустить, Анна в то же время невольно восхищалась ею: «До чего же головастая эта Катерина! В институте я не замечала за ней этой способности стратегически мыслить и выдавать готовые решения самой, казалось бы, нерешаемой проблемы. А, может, и не было у нее раньше таких способностей, может, их жизнь развила? Она вспомнила выкрикнутое недавно: „Я бы на пузе проползла от Костромы до Караваево и обратно, чтобы выбиться из бедности!“ Когда есть такая цель, способности, наверное, могут развиваться.»

– Эй, ты меня хорошо слушаешь? – перебила ее мысли Катерина.

– Не сомневайся, конечно, хорошо. Катя, а если мне в школе не дадут этот годовой учительский отпуск? Ведь учебный год только начался?

– Увольняйся к чертовой матери! Только дадут они тебе этот отпуск, обязательно дадут! Кто еще в вашей школе готов отдуваться за все и за всех? Все твои руководители прекрасно понимают, что они потеряют, если ты уволишься. К кому они на уроки будут водить комиссии всякие и всяких проверяющих? Я думаю, я почти уверена, что дадут. Поупрямятся, конечно, но дадут. Самое сложное для нас сейчас не это, с этим мы справимся. Самое сложное – разговор с твоей мамой. Тут врать придется на полную катушку и врать убедительно. Тебе, которая ни врать, ни притворяться не умеет. Да и мне будет непросто, не люблю я врать Вере Игнатьевне, очень я ее уважаю. У тебя еще вопросы есть?

– Вроде, нет, – не очень уверенно ответила Анна.

– Тогда иди. Оформляй сегодня все, какие можно бумаги для загранпаспорта, купи билет в Москву и, главное, подготовься как следует к разговору с мамой. Продумай и прорепетируй все, что надо сказать, и ни в коем случае не отступай от намеченной нами линии. Держи деньги на билет.

– Может, зря мы все это затеяли?, – забирая деньги и забыв свою недавнюю решительность, спросила Анна. – Вдруг не пройду я анкетирование это или анализы что-нибудь не то покажут. Как мы все это назад организовывать будем?

– Все у нас получится. Главное – не проговорись и не пи-

ши нигде, что беременна от алкоголика. Иди уже, у тебя, да и у меня дел по горло. Давай вечером созвонимся. Только не звони раньше, чем дочери уснут. Не надо, чтобы лишнее что-нибудь услышали. Да, чуть не забыла, дай-ка мне ключи от твоей квартиры.

– Зачем это?

– Затем это. Потом узнаешь, зачем. Я их Вере Игнатьевне передам. Ты же там вечером будешь, вот и заберешь.

11

Проводив подругу, Катерина сразу отправилась в соседнее с рестораном здание. Это был старинный двухэтажный особняк из красного кирпича, купленный ими недавно. Идея, как всегда, принадлежала ей: соединить эти здания крытым прозрачным переходом и получить таким образом целый комплекс, в котором можно разместить много чего... Работы по переделке и переоборудованию здания, которыми руководил Иван, начались месяц-полтора назад. Катерина и Иван спешили: хотелось все закончить и открыть комплекс в декабре. Праздничные вечера и банкеты начинаются уже с середины декабря, так сразу будет ясно, удачной была затея или нет.

Иван решал какие-то строительные проблемы в окружении нескольких рабочих. Он улыбнулся, увидев жену. Затем, бросив рабочим фразу: «Значит, делайте, как решили», – по-

дошел к жене.

– Случилось что-нибудь? У тебя вид какой-то обеспокоенный.

– Да это все по поводу Ани. У нее неприятности все никак не закончатся. Знаешь, я работу ей нашла за границей. Если все хорошо сложится, через несколько недель она контракт подпишет и сразу улетит минимум на полгода.

– Какую такую работу? – перебил изумленно уставившийся на нее Иван.

– Да мы пока сами толком не знаем, – не моргнув, соврала жена. – В воскресенье она в Москву уезжает, в понедельник у нее собеседование в фирме. И потом она должна ответ получить, берут ее или нет. Только я не об этом поговорить хотела, об этом я тебе дома вечером все расскажу. На сегодня проблема в другом, в муже ее бывшем. Он вчера из дома все продукты утащил, все, до последней луковицы, а так же и деньги все прихватил.

– Иди ты, – совсем как она недавно, отреагировал Иван.

– Вот и я ей так же сказала, – невесело усмехнувшись, ответила Катерина. – Вот зачем я к тебе и пришла. Я тут подумала: может, пошлем кого-нибудь из рабочих замков во входной двери сменить?

– Замок сменить недолго. Но ты же сама говорила, что он имеет право там находиться, раз прописан. Представь, вечером он придет и домой попасть не сможет. Он же милицию вызовет, и та обяжет Анну открыть дверь.

– Не придет он вечером. Того, что из дома уволок ему с собутыльниками на несколько дней хватит. А мы еще добавим, чтобы лопал недели две, не останавливаясь. За это время подберем комнатенку какую-нибудь и быстренько туда переселим. Если у нас все получится с этой работой, Анне уезжать совсем скоро. За это время надо ей помочь здесь все свои проблемы решить, тогда она может ехать спокойно

– А детей своих она на кого оставит? – продолжал задавать вопросы Иван.

– На маму. Да и мы помогать будем. Например, забирать к себе на выходные. Слушай, давай сначала с дверью решим. Остальное я тебе вечером дома объясню.

– Кстати, о двери. Может, ей вообще дверь новую поставить? Старая наверняка ненадежная. Времена сейчас сложные, с надежной дверью им спокойнее будет. Я правильно предполагаю, что на эти месяцы Вера Игнатьевна к внучкам переселится?

– Вот за что я тебя люблю, Иван, – серьезно ответила Катерина. – Возьми ключи от Аниной квартиры.

Вернувшись, она вызвала к себе Тамару, секретаршу и верную помощницу. Скоро три года, как Тамара работает у нее и на нее...

Когда отец умер, их осталось четверо в семье: мама, Ульяна Васильевна, не старая еще, но рано состарившаяся жен-

щина, и трое детей. Старший брат, Виктор, так и не уехал из деревни. Во времена, когда социализм в стране тихо умер, так и не добравшись до стадии развитого, Виктор с женой, поднапрягшись, купили заброшенную ферму недалеко от их родной деревни Расстегаевки. В это время Катерина уже всюю строила капитализм в своей, отдельно взятой семье. Младшая, любимица всех Наталья, легкая и веселая, уехала из дома в семнадцать с небольшим.

– Я красивая, – часто повторяла она. – А нам, красивым, необязательно работать, надрываясь. Нам надо использовать свою красоту и постараться пристроить ее как можно выгоднее.

Удалось ей это или нет – об этом можно было только догадываться, во всяком случае встречались они теперь очень редко, и особой теплоты в этих встречах не было.

Все последние годы мама продолжала жить одна, все в том же старом деревянном доме, отвечая отказом на все уговоры дочери перебраться к ней.

– Не понимаю я тебя, мама, – сердилась Катерина. – Неужели лучше одной жить? Да что ж тебя там так держит-то? Дом того и гляди развалится скоро!

– Не сердись ты, Катюха, – незлобливо отвечала Ульяна Васильевна. – И пойми: все меня здесь держит. Здесь я у себя дома, деревенская я и не могу в городе жить. А дом и верно ремонта требует, вот ты мне и помоги его сделать.

– Ладно, помогу, только ты мне за это пообещай каждую

зиму к нам приезжать месяца на два-три.

– Ох и хитрющая ты девка, – засмеялась мать. – И в кого ты такая уродилась!

На том они и порешили...

А три года назад, в годовщину смерти Ульяны Васильевны Катерина собрала на поминки всех немногочисленных жителей Расстегаевки.

Сидя за столом рядом с братом, она наблюдала за угощавшимися приглашенными.

Как быстро течет жизнь! И как меняет она людей! Взять хотя бы их бывшего соседа, Павла Николаевича. Павел Николаевич был одним из немногих «не злоупотреблявших» мужчин в деревне. Глядя на всегда трезвого, опрятно одетого и души не чаявшего в своих детях соседа, Катерина завидовал этим последним. «Как хорошо иметь такого отца! – думала она. – Не надо прятаться, боясь попасть под тяжелую руку, когда приходит домой пьяный. И за мать не надо бояться! И потом деньги в доме, наверное, всегда водятся, а значит, и еда всегда есть.»

Жена Павла Николаевича умерла примерно через год после смерти ее матери, дети разъехались кто куда уже давно. И он остался один. Как же изменила его жизнь! Глядя на не старого еще, но неопрятно одетого и несколько дней не брившегося мужчину, который поднимал далеко не первый стакан водки, она спросила брата:

– Совсем не навещают дети Павла Николаевича?

– Месяцев шесть назад сын приезжал. Сграбастал последние отцовские сбережения на какие-то свои неотложные дела и укатил через два дня. А дочери давно не были.

– Помнишь, как мы им завидовали?

– Да, быть хорошим отцом и мужем еще не гарантия того, что обеспечишь себе спокойную старость, – философски и не совсем впопад ответил брат.

В это время дверь открылась, и в помещение вошла девушка, которую Катерина сразу заметила. Не заметить ее было невозможно, так она отличалась от всех остальных присутствующих. Яркая восточная внешность, особенно пленяли иссиня-черные вьющиеся волосы и черные миндалевидные глаза. Высокий рост и идеальных пропорций фигура дополняли впечатление редкой красоты.

– Давненько в нашей местности не водилось таких красавиц! – воскликнула она удивленно. – Это кто же такая?

– Помнишь Непутевую Варвару? – спросил брат.

– Олимпиада? Не может быть! – не поверила Катерина. – Я ж ее помню тощей и нескладной. И еще помню, что она всегда черная, как уголек, была. Мы еще как-то смеялись, что ей и загорать не надо.

– Когда это было! С тех пор она вот уже несколько лет всех мужиков в округе с ума сводит. Но никто ничего плохого сказать о ней не может, девушка строгая и очень серьезная.

Олимпиада была единственным ребенком Непутевой

Варвары, своего рода местной достопримечательности. Смыслом жизни Варвары были поиски большой и настоящей любви, и в страхе не пропустить эту любовь она бросалась на шею всем встречавшимся на ее жизненном пути мужчинам. Одним из них был заезжий молодец южных кровей, от которого Варвара и родила Олимпиаду, Пию или Пийку, как ее все здесь называли.

– Вить, я сейчас вернусь, хочу поговорить с этой восточной царевной, интересно мне очень.

Минут через тридцать она вернулась и сообщила брату:

– В самом деле очень интересная девушка, я ее на работу к себе беру.

– Благотворительностью решила заняться?

– Ничуть. Она мне будет очень полезна на секретарском месте, умная и красивая, как раз такая мне и нужна. Да и для нее это единственный способ выбраться отсюда, не место ей здесь.

Две недели спустя девушка уже сидела на секретарском месте в офисе Катерины и Ивана. Она не просила ни большой зарплаты, ни особых условий труда, единственной ее просьбой было: «Екатерина Николаевна, пожалуйста, не называйте меня Олимпиадой и тем более Пией, я ненавижу свое имя.»

– И как прикажешь тебя звать?

– Как хотите, только не Олимпиада.

– Мне кажется, что тебе подойдет имя Тамара. Знаешь,

была такая грузинская царица.

– Тамара так Тамара, – сразу согласилась Олимпиада. – Только обещайте никому не говорить, как меня зовут по-настоящему.

За три прошедших года Катерина ни разу не пожалела, что взяла ее к себе на работу...

– Тамара, поручение у меня есть для тебя, как бы это сказать, не совсем обычное. Слушай и не задавай лишних вопросов.

– Да я вроде их никогда и не задаю, Екатерина Николаевна, – обидчиво откликнулась секретарша. – И я готова Вас слушать.

– Ладно, ладно не обижайся, это я так, на всякий случай, потому что поручение и в самом деле необычное. Поедешь в детский магазин, в отдел игрушек. Купи там куклу, небольшую, но красивую. Потом в продовольственном магазине купишь продукты и отвезешь все вот по этому адресу. Там сейчас наши рабочие дверь будут менять, поэтому открыто все будет. Куклу оставь на самом видном месте, а продукты в холодильник, естественно. И это все. Потом вернешься на работу.

– Какие продукты купить? – буднично осведомилась Тамара.

– Давай вместе прикинем.

Возвращаясь к себе домой, Анна радовалась тому, что этот день закончился, и все его испытания остались позади. Сидя в переполненной маршрутке рядом с дочерьми и глядя по сторонам, она думала: «Нет, свет не перевернулся от моего решения. Странно: чтобы ни происходило с отдельно взятой личностью, какие бы беды и испытания ни выпадали на ее долю и какие бы неблагоприятные или, наоборот, благородные поступки она не совершала, жизнь вокруг продолжается как ни в чем ни бывало. Люди все так же спешат к себе домой, так же смеются, радуются и огорчаются, и никому нет дела до того, что происходит со мной. Да, жизнь вокруг меня все та же, только я другая, я изменилась. Сегодня я впервые лгала своей маме, лучшей маме на свете. И это была не та невинная ложь, когда на мамин вопрос: „Как дела дома?“, я отвечала, что все хорошо, а ничего хорошего не было. Это была серьезная ложь, ложь по-крупному. И что еще? И еще я приняла решение, которое раньше казалось мне невозможным. Сегодня я уже собрала почти все необходимые бумаги для загранпаспорта, и если все произойдет так, как задумано, то скоро...»

– Мам, – прервала ее мысли Надя. – Ты не обратила внимание, что бабушка нам какие-то странные ключи передала? Мне кажется, что это ключи не от нашей квартиры.

Анна открыла сумку. Странно, но там действительно ле-

жали не ее ключи. А она этого даже и не заметила, взволнованная и нервная из-за всех этих последних событий ее жизни. «Внимательнее надо быть,» – укорила она себя.

– И что же мы теперь делать будем? – спросила Надя.

– Сейчас разберемся. Сначала до дома добраться надо.

Минут через двадцать они уже стояли перед своей новой дверью.

А еще через какое-то время она сидела рядом с дочерьми, которые уже лежали в постели.

– Мам, ну прямо чудеса какие-то у нас происходят, – прижимая к себе куклу и глядя на нее восторженными глазами, говорила Настя. – И дверь стоит новая, и еда в холодильнике откуда-то появилась, и кукла у меня теперь новая, такая красивая, лучше, чем у Олеси. Я ее в садик с собой буду брать. Можно я ее Дашенькой называть буду?

Глядя на уснувшую дочь, на нечастое выражение счастья на этом милом и таком дорогом для нее лице, на ее руки, продолжавшие и во сне обнимать свое сокровище, Анна чувствовала, как нежность и сильная, до боли, любовь охватывает ее всю.

– Послушай, что я думаю, – шепотом заговорила еще не уснувшая старшая дочь. – Я думаю, что это, конечно, тетя Катя о нас позаботилась.

– Да, и спасибо ей. В который раз она нас выручает, – тоже шепотом ответила Анна.

– А когда же мы сами хорошо жить будем? Как ты думаешь, ведь не только Насте, мне ведь тоже много чего хочется? У нас в танцевальной студии да и в школе тоже я почти что хуже всех одета. Я даже в гости к себе никого пригласить не могу, потому что у нас бедно очень и папа почти что все время пьяный, когда дома находится.

– В последнее время я только об этом и размышляю, – доверительно заговорила со старшей мать. – И надеюсь, что мы найдем выход.

– Какой выход?

– Об этом пока что мало кто знает, но ты у меня уже взрослая, я могу с тобой поделиться уже сейчас. Тетя Катя нашла мне работу, работу, которая даст нам возможность жить лучше. Но проблема в том, что эта работа далеко отсюда.

– Не в Костроме?

– Нет, не в Костроме. Чтобы заработать эти деньги, я должна буду уехать на несколько месяцев. Мы не будем видеться это время, и нам будет грустно друг без друга. Но зато потом, когда я вернусь, наша жизнь должна наладиться.

– Как наладиться?

– У нас будет больше денег, а, значит, мы сможем быстрее решать наши проблемы.

– Например, мы сможем покупать, что захотим?

– Да, и это тоже. Но сначала нужно купить другое жилье для папы.

– Чтобы он дал нам возможность жить спокойно?

– Да. И потом, если у нас останутся деньги, мы продадим эту квартиру и купим себе другую, больше этой. Тогда и бабушка сможет жить с нами. Конечно, пока это только мечты, но они могут осуществиться, если у меня все получится с этой работой. И, главное, если вы все мне поможете.

– И как мы можем тебе помочь?

– К примеру, пообещать мне не плакать, когда я буду уезжать. Или ты, как взрослая уже девочка, пообещаешь мне помогать бабушке.

– Не знаю, смогу ли я не заплакать, когда ты будешь уезжать, но что я смогу помогать бабушке, это точно. Мам, а в этой нашей новой квартире, которую мы, возможно, купим, у нас с Настей будет своя комната?

– У вас у каждой будет по комнате.

Она держала руки дочери в своих руках.

– А теперь спи. Спокойной ночи, – она нежно поцеловала свою старшенькую. – Я вас очень, очень люблю.

– Последний вопрос можно?

– Только самый последний.

– Когда у меня будет своя комната, я смогу приглашать к себе в гости своих подружек?

– Конечно, когда захочешь. Спи уже.

Убедившись, что дети уснули, она унесла телефон на кухню и, закрыв дверь, позвонила Катерине.

– Что так долго? Я уж хотела сама тебе звонить.

– Я с Надей разговаривала.

– Об этом?

– Об этом. Я рада, что поговорила. Надя умная девочка и достаточно взрослая для такого разговора. Мне важно, чтобы она поняла, почему я должна их оставить на какое-то время.

– И все в порядке в этом плане?

– Да, все в порядке.

– Тогда меня слушай. Твой кровопивец вас больше доставать не будет. Я послала двух наших охранников сегодня его разыскать. Ты знаешь, где он лопает обычно со своими собутыльниками и собутыльницами?

– Не знаю.

– В двух домах от тебя. Там есть однокомнатная хрущевка на пятом этаже, в ней одна алкоголичка живет, вот он у нее и обитает. Ребята мои сказали, что по виду она такого возраста, что ему в матери приходится. Но спят они точно вместе. Обстановка там у них такая интимная, хотя они и не одни были.

– Ты зачем мне все это рассказываешь?

– Чтоб ты знала и перестала назад оглядываться.

– А я и не оглядываюсь.

– Вот и хорошо, давай в будущее смотреть. Ну, вот, охранники наши всех посторонних из квартиры вытурили, а этих двух под холодную воду сунули, чтобы протрезвели немного, и потом им все популярно объяснили. Итог: он у вас больше

не появится. Поживет у подружки своей закадычной, пока мы ему жилье какое-никакое подберем. Я с Иваном разговаривала, и он не против денег тебе дать на это дело. Он даже сам разговор начал, и знай, что Иван тоже за то, чтобы мужа твоего бывшего как можно быстрее от вас отселить. В понедельник, когда ты в Москве будешь, я поручу Тамаре это дело начать. Тамара – девушка расторопная, справится быстро. Ты с мамой поговорила?

– Поговорила.

– И что? Поверила она тебе?

– Ой, Кать, не знаю. Если и не поверила, то виду никакого не подала. Да, пока не забыла, хочу тебе спасибо большое сказать за все сюрпризы, какие ты нам приготовила.

– Да пожалуйста. Настюшке кукла понравилась?

– Очень. Она так и спит с ней, обнявшись.

– Ну, я рада очень, что угодила. Еще две вещи тебе скажу и давай прощаться. Спать хочу. У меня сегодня день тяжелый был, да и у тебя непростой. Первое: ты завтра с утра начни вещи Сергея в какие-нибудь пакеты складывать. Я к тебе часов в десять-одиннадцать кого-нибудь из наших официантов пришлю. У них все равно с утра работы немного, без дела зря болтаются. Вот и отвезут ему его одежонку. И второе: обо всем остальном в воскресенье договорим.

– Почему в воскресенье?

– А мы вас к себе на обед приглашаем. Посидим в спокойной обстановке. Я сама кашеварить не буду. Или Иван

что-нибудь приготовит, или из ресторана привезут. А потом Иван своими делами займется, детей отправим в детскую, пусть там играют. Ну, а сами поговорим обо всем не спеша. К счастью, наши дети всегда общий язык находят, и моим мальчишкам даже нравится, как твои дочери ими командуют.

Двенадцать, час, два – а сна все нет. Лежа в темноте с открытыми глазами и прислушиваясь к ровному дыханию спящих дочерей, Анна пыталась заставить себя спать.

Неужели начали разрешаться ее, казалось бы, неразрешимые проблемы? Неужели никогда больше ее жизнь и жизнь ее дочерей не будет зависеть от того, трезв или пьян ее муж в настоящий момент? Ей почему-то вспомнился день накануне женского праздника, в прошлом году. День стоял замечательный, было тепло, дул легкий ветерок, который приносил с собой первое дыхание весны. Она возвращалась домой с пакетами, в которых была специально закупленная к празднику еда. А вокруг уже царил особая атмосфера: улыбающиеся нарядные женщины, мужчины, спешащие домой с букетами цветов и подарками, дети с заветными пакетиками для мам и бабушек. Все это поднимало настроение, настраивало на праздничную волну...

Дверь ее квартиры оказалась открытой. Пьяный муж спал на диване в одежде и грязных ботинках. Тяжелый запах перегара стоял в комнате...

Чувство отчаяния и безысходности охватило ее всю. Она

ушла на кухню и там долго и беззвучно плакала, даже не пытаясь вытирать потоком льющиеся слезы.

«Зачем тебе все эти приготовления? – ругала она себя. – Разве тебе до сих пор неясно, что праздники не для тебя? И разве тебе до сих пор неясно, что простая нормальная человеческая жизнь тоже не для тебя?»

Звонил телефон, несколько раз, а у нее не было ни сил, ни мужества ответить.

И вот та жизнь, кажется, уже в прошлом. И другая, нормальная человеческая жизнь, о которой она столько мечтала, кажется близкой и возможной. Но получить ее просто так не удастся, надо заплатить. Ну почему жизнь устроена так и кто ее устроил так, что за все надо платить?

Она положила руку на свой, пока еще не округлившийся живот. Ноги свело от холодного страха. «Господи, прости меня за то, что я собираюсь сделать! И ты, ребенок мой будущий, прости!»

Конец октября... Как быстро прошел этот месяц! Вернее будет сказать, не прошел, а пролетел. Пролетел и вместил в себя столько событий, что при других обстоятельствах и при другой жизни, жизни размеренной и спокойной, этих событий хватило бы на несколько месяцев, а то и лет.

Оглядываясь назад, перебирая в памяти события этого месяца, она не верила порой в то, что им удалось свернуть такую гору дел, какую и с места-то сдвинуть, казалось, было невозможно.

После непростых переговоров ей был-таки предоставлен годовой отпуск. Предоставлен с одним условием: выйти на работу до первого сентября следующего года.

Была куплена и квартира для ее бывшего мужа. Однокомнатная, на первом этаже старого деревянного дома в Ребровке. Переселение прошло почти мирно. Сергей потребовал отдать ему много чего из их небогатого совместно нажитого имущества. А она не спорила. Хочешь и холодильник, и телевизор, и мягкую мебель? Забирай! Хочешь еще что-нибудь? Забирай! Единственным ее богатством были книги. К счастью, книги его не интересовали.

Вера Игнатьевна переехала к дочери и перевезла и мебель, и все остальное имущество. Ее квартира пока пустовала: никак не удавалось найти кого-нибудь, кто вызывал бы доверие.

В один из вечеров позвонила Катерина.

– Ты, конечно, знаешь мою секретаршу Тамару?

– Конечно, знаю.

– Она в Костроме почти три года, и все это время жила одна. С ее-то внешностью, представляешь?

– Представляю.

– Знаешь, почему?

– Не знаю.

– Я думаю, насмотрелась вдоволь на свою мамашу. Мужчины вызывают у нее отвращение.

– Понимаю.

– Вернее, вызывали. Наконец-то она встретила такого, который не вызывает. Парень вроде приличный, в следственных органах работает. И пока настолько все хорошо складывается, что они даже решили жить вместе.

– Кать, не могла бы ты ближе к делу: у меня картошка подгорает.

– Вот почему ты такая неразговорчивая. Так я как раз о деле и говорю. Они квартиру ищут. И вы можете им сдать квартиру Веры Игнатьевны. Все-таки Тамара не совсем посторонняя. Так и ей хорошо будет, и вам спокойнее. Согласны?

– Подожди, картошку выключу и у мамы спрошу.

Трубку взяла сама Вера Игнатьевна.

– Катя, конечно, я согласна. Спасибо тебе большое, опять ты нас выручаешь.

Так был решен и этот вопрос.

Главным ее врагом сейчас было время. По вечерам она закрывалась в ванной («Можете меня не беспокоить? Хочу душ принять перед сном, устала очень.») включала воду, раздевалась и долго рассматривала себя в зеркале.

Ей казалось, что изменения становятся все более заметными: увеличивается грудь, темнеет пигментация. Но это еще не так страшно. Главная проблема – живот. Живот, который все более округлялся, все более, как казалось ей, бросался в глаза. Особенно при ее росте и весе (1,64 и 58 кг).

Две недели назад, по совету Катерины, («Поверь, тебя это вот так выручит!») она купила себе боди и ходила в нем целый день. Пока это действительно выручало. Но надолго ли?

15

Последняя неделя октября. В четверг она уезжала в Москву на решающее и завершающее собеседование.

Уезжала, обуреваемая различными и противоречивыми чувствами. От страха – к надежде. Проснуться бы завтра, а все ее проблемы решились сами собой, без всяких усилий с ее стороны. Но так не бывает. Или бывает? Если и бывает, то только не с ней. Жизнь не балует ее такими подарками. От желания побыстрее уехать, чтобы побыстрее закончить со всем этим, – к желанию остаться и оставить себе этого неожиданного ребенка. А там будь что будет. Может, так даже лучше. Но лучше кому? Вопрос оставался без ответа.

В офисе фирмы ее ждала знакомая сотрудница. Разговор был не длинным.

– Все решилось в Вашу пользу, и все бумаги уже готовы, –

говорила она. – Вы вылетаете 6 ноября, самолет Москва – Нью-Йорк, вот Ваш билет, в нем все написано: номер рейса, время вылета и другие сведения. Билет только в одну сторону. Мы не знаем, когда Вы полетите из США. Да честно говоря, нас это уже и не касается, т.к. сегодняшним днем наши обязательства перед Вами заканчиваются. Мы свою работу сделали. По этой части у Вас вопросы есть?

– Вроде, нет, – нерешительно ответила Анна.

– Тогда идем дальше. Вот Ваш паспорт с визой. Виза открыта на 6 месяцев, до 6 мая 1999 года. Я должна Вас предупредить, что после этой даты пребывание на территории США становится незаконным, и вся ответственность, естественно, ложится на Вас.

– А я и не собираюсь там оставаться.

– Мое дело предупредить. Теперь возьмите Ваш контракт. Подпишите здесь. Контракт, сами понимаете, липовый, но его условия, адрес и название фирмы надо знать наизусть. На случай, если по прибытии иммиграционные службы Вами заинтересуются.

– Могут заинтересоваться? – испугалась Анна.

– Исключать такую возможность мы не можем. В своей первой анкете Вы писали, что говорите по-английски. Обязательно подготовьтесь к возможному разговору. Заучите все ответы, на английском, естественно. В Нью-Йорке Вас встретят. Смотрите внимательно на таблички у встречающих. Ищите свою фамилию. Там с Вами первое время будет

работать переводчик, и все остальное узнаете на месте. Вопрос о деньгах почему не задаете?

Вспыхнув, Анна покраснела, а затем нерешительно пожала плечами.

– Странно. Обычно это первый вопрос, интересующий всех женщин. Средняя сумма составляет 50 000 тысяч долларов. Она может быть несколько большей или несколько меньшей, это зависит от той семьи, в которую Вы попадете. Ну и от Вас, конечно. Запрашивайте больше. Если что-то неясно, спрашивайте. Если все ясно, то до свидания и удачи.

«Вот и все, – думала она, выходя из офиса. – Закончилось время неуверенности, сомнений и колебаний. Как это там говорится – обратной дороги нет? Пока что есть. Не дорога, а маленькая тропинка, можно сказать, лазейка, которой еще можно воспользоваться. Я ведь могу просто-напросто не поехать. Например, могу ведь я заболеть. А что потом? А потом все вернется к тому же. В этом-то главная проблема... Ну, вот что, дорогая моя. Хватит тебе уже метаться туда-сюда. Решила – делай. Никому твои сомнения и колебания не интересны, Раскольников ты мой. И давай закончим на этом.»

Однажды вечером, за несколько дней до отъезда, мать пришла к ней на кухню. Дочери уже спали, а Анна, перемыв

посуду, гладила белье.

– Аня, спросить тебя хочу. Можно?

– Конечно, мама, – внутренне похолодев, но стараясь говорить спокойно, ответила Анна.

– Может, не поедешь ты никуда? Смотри, вроде неплохо все устроилось. Будем жить здесь вместе, все четверо, квартиру мою будем продолжать сдавать, и эти деньги, да еще часть моей пенсии будем Катерине отдавать. Глядишь, проживем как-нибудь.

– Не хочу я, мама, как-нибудь жить. Нажилась уже. Да что я говорю, не хочу я, чтобы мы все как-нибудь жили. Хочу жизни нормальной для тебя, для моих дочерей и для меня тоже. И потом, ты представляешь, сколько лет нам придется Катерине долг возвращать по таким крохам?

«И не вчетвером, а скоро впятером нам придется здесь уютиться,» – добавила она про себя.

– Ладно, поступай, как решила. Постарайся только звонить почаще. Очень мы по тебе скучать будем. Извини, что разговор этот затеяла.

– Не извиняйся, мама. Я прекрасно понимаю, как непросто нам будет прожить эти несколько месяцев. Но время пройдет, будем надеяться, быстро пройдет, мы снова будем вместе, и жизнь наша изменится. Помнишь, месяц назад, в день моего развода ты мне сказала: «Все к лучшему.»? Вот и давай верить и надеяться, что все у нас будет хорошо.

– Давай – подойдя ближе и обняв дочь, сказала Вера Иг-

натъевна.

Так они стояли, обнявшись, некоторое время, и каждая чувствовала биение другого сердца. «Не буду плакать, не буду плакать,» – говорила себе Анна. Но непрощенные слезы текли и текли из глаз. Они были сейчас единым целым, мать и дочь, объединенные общими горестями, общей тревогой перед предстоящей разлукой, но и общей надеждой на что-то лучшее впереди.

– Мама, я хочу завтрашний вечер с Катериной провести, если ты не против, – первой заговорила Анна. – И потом все оставшееся до отъезда время мы вместе проведем.

– Не против, – стараясь незаметно смахнуть с лица свои, тоже непрощенные слезы, ответила Вера Игнатьевна. – Таких друзей, как твоя Катерина, еще поискать надо.

17

Вечером следующего дня Анна сидела, поджав под себя ноги, на удобном широком диване в любимом уголке дома своей подруги, в комнате, которую та называла «моя мансарда».

Много лет мечтала Катерина о своем доме, большом, уютном и, конечно, богатом. Два года назад ее мечта осуществилась: она стала хозяйкой именно такого дома, о котором мечтала.

Дом стоял на левом берегу Волги, и из его окон открывался очень красивый вид и на реку, и на ее противоположный берег. Катерина и Иван строили свое семейное гнездо с размахом. Два этажа и еще один подземный, где была сауна с бассейном и обширная мастерская Ивана, большого любителя всяких ремесел. А третий этаж состоял из одной просторной комнаты, которую подруга и называла «моя мансарда». Она облюбовала эту комнату для себя еще когда дом только строился, и однажды привела сюда Анну.

– Ань, хочу тебе показать одну комнату, мою будущую комнату. Я ее с боем отвоевывала, нравится она мне очень. Думаю, буду проводить здесь немало времени, поэтому хочу все устроить так, чтобы отсюда не хотелось уходить, чтобы все было красиво и гармонично. Что-нибудь посоветуешь?

– Поставь мебель настоящего дерева, простых и чистых линий. И обязательно светлую. Такая мебель дает особенное ощущение тепла и уюта. И она хранит это тепло. Очень уместным будет диван. Знаешь, мне очень нравятся такие диваны, низкие и комфортные, с обивкой из мягкой, слегка ворсистой ткани. Растений много не нужно, одно-два, но необычных, редких. Если хочешь, я помогу тебе все это выбрать. Что-нибудь не так? Ты почему улыбаешься?

– Удивляюсь на тебя. Ну откуда в тебе это? Можно подумать, что ты всю жизнь в роскоши жила, среди дорогих вещей. Можно подумать, что ты там и родилась.

– Не знаю, откуда. Может, в другой жизни я действительно

в семье каких-нибудь аристократов родилась? – с улыбкой ответила Анна.

– А, может, это твоя пра-прабабушка с неким графом на сеновале согрешила? И фамилия-то твоя девичья – Анненская – подозрительная какая-то. Аристократией попахивает, – поддела подругу Катерина.

Они вдвоем занимались этой комнатой. Ее планировка, выбор мебели и аксессуаров – все это доставляло Анне огромное удовольствие. Как жаль, что она не может делать все то же самое для себя! Может, когда-нибудь?..

Катерина, отказавшаяся от помощи подруги, хлопотала вокруг низкого и широкого журнального столика, который стоял рядом с диваном.

– Любуешься? – подняла она голову от стола. – Помнишь, как мы тут старались все красиво обустроить? И знаешь, я до сих пор не разочаровалась.

– Да, результат радует глаз, – с удовольствием подтвердила Анна.

Комната была залита мягким, нежным светом. Мебель из сосны цвета меда, большой светлый шерстяной ковер на полу с разбросанными по нему красными маками, комфортный диван с обивкой из дорогой ворсистой ткани тоже красного, подходящего к цветам тона, в углу – легкое кресло-качалка, на его спинку небрежно брошен светлый пуши-

стый плед, окно закрыто плотными занавесями. На стене – больших размеров картина – копия фотографии знаменитого японского фотографа Йошизо Кавасаки «Спокойствие», три огромных мака на фоне неба, подернутого дымкой.

– Сейчас вернусь, – говорила в это время Катерина, бросая довольный взгляд на накрытый ею стол.

Она вернулась через несколько минут, открыв ногой дверь. В руках – ведро с шампанским, в кармане – бутылка красного вина.

– Можем начинать, – ставя все принесенное на стол, сказала она.

– Кать, давай не будем открывать шампанское, – попросила Анна.

– Почему? Ты же его очень любишь. И немного, я думаю, тебе не повредит.

– Не в этом дело. Просто шампанское пьют при особом настроении. Это напиток радости и праздника. А у меня сейчас...

– У меня тоже... Да, ты права, случай явно не тот. Но знаешь, что мы сделаем? Мы это ведро оставим на столе. Пусть стоит. А откроем и выпьем, когда ты вернешься. Сегодня пьем вот это красное вино, настоящее, французское. Хотя тебе, может, и вино не стоит. У меня тут где-то в другом кармане маленькая бутылочка апельсинового сока затерялась.

За дверью послышалась чья-то возня и приглушенные го-

лоса.

– Ну, что еще там? – строго прикрикнула Катерина.

В комнату просунулась вихрастая голова Ивана-младшего:

– Мам, можно спросить у тети Ани, почему она одна пришла? Нам с девчонками поиграть хочется.

– В следующее воскресенье поиграете. Закрой дверь, больше нам не мешайте.

«В следующее воскресенье, – похолодела Анна. Сердце замерло на мгновение, а потом забилось часто-часто. – В следующее воскресенье меня здесь уже не будет».

– Ань, я тебе салатик положу? – заторопилась Катерина, заметив, как побледнела подруга.

«Тонкости чувств тебе не хватает, дорогая моя, – укоряла она себя, суетясь вокруг стола. – И не хватало никогда! Внимание! Не ляпнуть еще что-нибудь не то!»

– Я сегодня утром в школе была, – заговорила Анна, стараясь справиться с волнением, дышать и говорить спокойно. – Видела Татьяну.

– И?

– И поговорила с ней откровенно. Спросила напрямую, что ей от меня надо, почему она меня так упорно преследует.

– Не может быть! Ты – и решилась? – не поверила Катерина. – Давай начнем уже наш вечер, я себе вина наливаю, держи сок, будем есть, и ты мне все расскажешь.

Ей и самой не верилось. Утром позвонила секретарша директора и попросила зайти в школу, к заместителю директора, чтобы уладить кое-какие формальности. Татьяна Борисовна была одна в кабинете. Закончив разговор, Анна направилась к выходу и даже открыла дверь, но затем, неожиданно для самой себя, вернулась и решительно заговорила:

– Тань, давно хотела тебя спросить, да все никак не решалась. Скажи мне откровенно, почему ты все время крутишься вокруг меня и мелко пакостничаешь? Что тебе от меня надо?

Повисло молчание. Экс-подруга изменилась в лице, сраженная и вопросом, и тоном, которым он был задан, и этим «Тань» и «ты». На «ты» они уже давным-давно не были. Мгновение спустя она постаралась справиться с ситуацией.

– Анна Петровна, я Вас не понимаю. И вообще, что это Вы себе позволяете?

– Да брось ты. Все ты прекрасно понимаешь. Давай выкладывай, не стесняясь. Момент истины наступил.

И ту прорвало:

– Помнишь, как нас называли в институте?

– Не помню. И как нас называли?

– Нас называли «Анненская и компания». Не я и не Катерина, а ты и мы.

– И что из этого? И потом, когда это было-то? Я с тех пор сколько уж лет в Велеховых хожу.

– А то из этого! Всегда ты на первом месте была! Пом-

нишь, на всех вечеринках сначала все парни вокруг меня толпились, а потом потихоньку все к тебе перетекали. Думаешь, мне это приятно было?! И ты знаешь, как это раздражало, когда все преподаватели тебе в рот смотрели, восторгаясь тем, какая ты умная. Думаешь, приятно всегда вторые роли исполнять?! А ты... ты ничем нас не лучше. Вот и попробуй, походи теперь не в главных героинях!

– Вот, видишь, Катерина, ты была права, – заключила Анна, пересказав подруге свой утренний разговор. – Я столько времени ломала себе голову, выискивая причины этого террора против меня, а все, оказывается, объясняется обыденной завистью. Только одно мне не понятно. Как она могла столько лет хранить в душе зло против меня?

– Ты вверх все время смотришь, а в жизни надо чаще вниз смотреть, себе под ноги. Ты частенько жизнь усложняешь, а она, в сущности, очень проста и... и материальна.

– И духовна тоже.

– Да, и духовна тоже, ... если хочешь. Но если уж мы духовность затронули, хочу тебе напомнить слова твоего любимого Пушкина: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей.» Вспомни, сколько друзей у тебя было тогда, когда в вашей жизни все шло как надо. Вспомни наши общие праздники: по двадцать пять человек тогда собиралось вокруг вас. Песни, танцы, музыка, веселящиеся дети... Где это все теперь? И где они все теперь? А все очень про-

сто объясняется: люди не любят несчастливых и неудачливых. А вокруг удачливых все кружатся, как бабочки вокруг светящейся лампочки. Не хочу тебе даже говорить, сколько и кто из ваших бывших друзей мне звонили, напрашиваясь на дружбу. И знаешь, я почти уверена: когда ты вернешься (дай бог, все хорошо пройдет!), многие из них назад объявятся, как ни в чем не бывало. Могу даже предположить, что Татьяна, возможно, в их числе будет.

– Мне сейчас кажется, что это и не случится никогда... Если бы ты знала, как я боюсь, какой холодный страх сидит во мне, как я его чувствую каждую минуту!

– Послушай, дорогая моя подруга, ты не должна ничего бояться, – взяв ее руки в свои и глядя ей прямо в глаза, заговорила Катерина. – За последние годы ты уже прошла все круги ада...

– Не все, как видишь, – перебила Анна, грустно улыбнувшись.

– Будем надеяться, что это – последний. Аня, тебе уже 36, а когда последний раз ты была счастливой? По-настоящему счастливой? Когда последний раз ты была в отпуске? В действительном отпуске? И где ты была со своими дочерьми, кроме Костромы? Когда последний раз ты тратила деньги, не трясясь над каждой копейкой? И, наконец, помнишь ли ты, что значит быть любимой женщиной? И как это приятно – чувствовать на себе взгляд влюбленного в тебя мужчины? И знаешь, я думаю, что ты, как никто другой, заслужи-

ваешь счастья. Ты – глубокая, цельная натура, умная, изящная, красивая женщина. И ты – лучший человек из всех, кого я знаю... У меня есть тост, – внезапно меняя тон, быстро и решительно продолжала Катерина. – Сейчас 1998 год, который скоро закончится. И пусть быстрее закончится для тебя. Ты вернешься в 1999, и этот год будет годом начала больших перемен в твоей жизни. А там недалеко уже и до двухтысячного года.

Катерина встала, наполнила свой бокал вином (себе – почти полный, Анне – немного: беременная все-таки!), подала его подруге и торжественно закончила:

– За то, чтобы в двухтысячном году ты была счастлива. Повтори. Скажи: в 2000 году я буду счастлива.

Анна отрицательно покачала головой.

– А я настаиваю! Знаешь, есть теория, согласно которой надо вслух произносить свои желания. Тогда они исполнятся. Говори!

Анна молчала. Странное чувство охватило ее. Оно шло откуда-то издалека, может быть, из подсознания. А, может, это и не чувство вовсе, а странный, неожиданный порыв. Так бывает в безветренный день, когда вдруг внезапно налетевший ветер открывает форточку, и в комнату проникает свежий воздух, который приносит с собой необычный запах, например, запах снега. Снега – в летний день.

Что это? Предвестие перемен? Пришедшее из полузабытых детских ощущений волнующее ожидание сюрприза, ко-

гда сердце начинает биться быстрее за неделю до дня рождения? Или предчувствие возможного счастья? Возможное счастье? Только не для нее! Разве может быть счастлива женщина, согласившаяся продать своего будущего ребенка? Не думать об этом! Думать о самых близких и дорогих ей людях, которым только она может помочь, которым больше не на кого надеяться, как на нее. Они – это все, что есть у нее в жизни. Их благополучие и спокойствие дороже собственного... Но может быть, господи, может быть и для нее маленький, совсем крохотный шанс?

Она встала, взяла свой бокал и со словами: «За двухтысячный год,» – выпила вино.

Расставались они уже за полночь.

– Я приеду отвезти тебя на вокзал?. – наполовину спрашивая, наполовину утверждая сказала Катерина.

– Не хочу, чтобы хоть кто-нибудь меня провожал. Поеду одна. Так мне будет лучше, да и вам всем спокойнее.

– Тогда давай завтра вместе в храм ходим.

Анна не возражала.

Она росла в семье, далекой от религиозных верований, традиций и обычаев. Вся их причастность к вере ограничивалась тем, что, как и все русские, перед Пасхой они особен-

но тщательно прибирали свое жилье, Вера Игнатьевна занималась пасхальной выпечкой, а она помогала отцу красить яйца. Тогда, в ее детские годы, сущность и значение происходящего были ей непонятны, но какая-то особая магия, которая сопровождала все эти действия, особая атмосфера единства и единения семьи каждый раз завораживали. И это осталось в ней одним из самых теплых воспоминаний детства.

Повзрослев, и она не избежала вечных вопросов, ответы на которые ищет каждое поколение. В чем смысл жизни? Зачем я родился? Что будет после того, как меня не будет? Но ответы на все эти вопросы она искала в далекой от религии области.

В отличие от нее, Катерина с раннего детства была с богом на «ты». Каждое воскресенье ее, совсем маленькую, мать несла на руках в церковь за несколько километров от их родной Расстегаевки. Старший брат, Виктор, шагал рядом, держась за материнскую юбку. Постепенно эта привычка к еженедельному посещению храма переросла в потребность. Но осознанная вера в бога пришла к ней спустя годы.

Уехав из деревни и вступив во взрослую жизнь, Катерина не изменила привычкам, привитым матерью. Ее жизнь изменилась – потребность в обращении к богу осталась. Зная, как тяжело приходится жить подруге все эти последние годы, несколько раз Катерина была близка к тому, чтобы поговорить с ней, и каждый раз не решалась. Да, конечно, верить

или не верить, искать или не искать утешение у бога – личное дело каждого. Да, конечно, она старается помочь, делая все возможное, но она не всемогуща. Она не может дать мужество, терпение и душевное равновесие. И однажды Катерина решилась.

– Ань, завтра воскресенье, я, как всегда в храм иду, – предложила она как-то. – Хочу позвать тебя с собой. Не спрашивай меня ни о чем. Просто пойдем. А потом можем поговорить, если захочешь.

Неожиданно для Катерины, да и для самой себя тоже, Анна согласилась. Тогда, в то первое посещение церкви она больше смотрела по сторонам, растерявшаяся и потерявшаяся. Службы в это время дня не было, но люди приходили и приходили. Вот недалеко от нее остановилась женщина. Черная траурная одежда, скорбное лицо... А вот мимо прошла другая, толкая перед собой инвалидную коляску, в которой сидел мальчик лет пятнадцати...

Из храма они выходили молча. На улице, повернувшись к подруге, она смогла сказать только:

– Спасибо, Кать. Не подвози меня. Я на автобусе поеду. А потом шла пешком несколько остановок.

Какая-то новая, другая сторона жизни, новая правда открылась ей. Но в чем она? Как уловить незримую сущность происшедшего? И где та нить, ухватившись за которую можно к этой сущности прийти? Разобраться во всем этом сразу

было невозможно. Возможно ли когда-нибудь?

Она позвонила через несколько дней:

– Кать, я на этой неделе снова с тобой в церковь пойду, если ты не против. Только, может быть, встретимся заранее? Я хочу, чтобы ты мне объяснила некоторые мне непонятные вещи.

«У каждого человека своя дорога к богу, – убежденно говорила ей Катерина. – Другое дело, пойдет он по этой дороге или нет. Тут уж у каждого из нас есть право выбора. За меня этот выбор когда-то сделала моя мама, и я ей очень благодарна за это. С тех пор я хожу в храм.

– За чем ты туда ходишь?

– За утешением и за прощением. И потом, священник моей первой деревенской церкви часто говорил: «Мы каждую неделю чистим свое жилище, а душу очистить забываем.» Может быть, для тебя это звучит выпендренно, но я хожу в храм и за этим.

Так Катерина стала для Анны своего рода духовным пастырем, а храм – источником, из которого она черпала мужество и утешение.

Как долго, бесконечно долго стоит она перед иконой Федоровской Божьей матери, пытаюсь найти нужные, точные и верные слова. Только сегодня они никак не находятся,

а глаза с иконы смотрят на нее сурово и непрощающе. Но вот через боковое окно в храм проник одинокий солнечный луч и быстро скользнул по лицам святых. Ей показалось, что выражение лица богоматери изменилось, а глаза смотрят не нее более внимательно и понимающе. Возможно, только показалось, но ведь все мы иногда видим то, что хотим, то, что надеемся увидеть.

«Прости меня, – мысленно попросила она, поклонившись. – Спаси и сохрани моего будущего ребенка.»

20

Аэропорт Шереметьево жил своей обыденной жизнью. Взлетали и прилетали самолеты, а огромные толпы народа перемещались куда-то постоянно. Все это напоминало огромный муравейник с непрекращающимся и беспорядочным для непосвященного взора движением. И в этом шуме и толчее, в этом огромном скоплении снующего туда-сюда народа никто не обращал внимания на маленькую, съежившуюся фигурку одиноко сидящей женщины.

Анна сидела в уголке дивана, стараясь занимать как можно меньше места, стараясь казаться еще более незаметной. Ей было плохо, так плохо, как еще никогда в жизни. Она хорошо знала, что такое беды и несчастья, но раньше она им противостояла не одна. Рядом всегда были ее дети и мама, рядом всегда была верная подруга. Отныне и на несколько

месяцев вперед ей предстоит быть одной. Есть ли оправдание тому, что она делает? Как-то все сложится там, за океаном? Как пережить эти месяцы? И как потом она будет жить? Как переживут это время мама и ее девочки?

В это время она почувствовала на себе мимолетный взгляд присевшей рядом ненадолго женщины. Во взгляде было любопытство и еще что-то, похожее на жалость или сочувствие.

«Я не могу оставаться в таком состоянии. Надо что-нибудь делать и срочно,» – промелькнуло в голове. Она встала и пошла в туалет, где оставалась достаточно долго, брызгая себе в лицо холодной водой, стараясь привести себя в чувство.

«Решение уже принято, хорошее или плохое, правильное или неправильное, но принято. Все уже началось. Я не знаю, какой будет выбранная мною дорога, но я должна по ней пройти.»

Часть вторая

1

В самолете поначалу было суетно и шумно. Пассажиры громко переговаривались и смеялись, пристраивая свой ручной багаж, снимая верхнюю одежду, сворачивая и укладывая ее на полки, расположенные над сиденьями: готовились к длительному перелету. Все эти шумы доходили до Анны словно сквозь толстый слой ваты, как нечто нереальное, что-то, к чему она сама не имела никакого отношения. Она сидела в кресле, не раздевшись, держа на коленях сумку, не в силах пошевелиться...

Стюардессы пошли по салону самолета, проверяя, хорошо ли закрыты полки, все ли пассажиры пристегнуты. Одна из них остановилась возле нее, помогла ей раздеться, убрать сумку и куртку, показала, как надо пристегиваться. «Значит, наверное, скоро взлетаем,» – безразлично подумала Анна.

Но, когда самолет вырулил на взлетную полосу и начал набирать скорость, она со страхом вцепилась в ручки кресла. Это было ее первое воздушное путешествие...

Самолет набрал высоту и взял курс на Нью-Йорк. Анна смотрела на экран телевизора, загоревшийся над каждым пассажирским сидением: маленький самолетик на нем быст-

ро удалялся от Москвы.

«Боже мой, где я уже сейчас нахожусь по отношению к своему дому и своим детям! И с каждой минутой это расстояние увеличивается! Не могу поверить, что все это происходит со мной!» – пронеслось в голове и с болью отозвалось в сердце.

Несколько лет назад, готовясь к урокам, посвященным новым процессам в тогда еще советской литературе, произведениям, долгое время закрытым и запрещенным для рядовых, тогда еще советских читателей, она случайно наткнулась на одну фразу, которая ей очень понравилась. Впоследствии эта фраза не раз цитировалась на ее уроках.

«Событие уже совершилось, но разум его еще не освоил.» Почему именно сейчас эта фраза всплыла в памяти, было не очень понятно, но что это значит доподлинно, стало понятно только сейчас...

В притихшем было салоне самолета стало снова шумно. Анна подняла голову: по проходу шли стюардессы, толкая перед собой тележки, предлагая пассажирам еду и напитки.

«И я поем! – неожиданно браво подумала она. – И даже выпью, немного, если предложат. Да что же это такое, в самом деле, может хватит уже в черные мысли погружаться? А как же другие люди, преступления совершают, обманывают и обворовывают, порой даже самых близких, и часто совсем не богатых, и после всего этого спят спокойно? А сколь-

ко подличают по мелочи! Ну, тут-то ты уж совсем загнула, все это не про тебя писано. И свою совесть ты этим не успокоишь.»

Стараясь уйти от невеселых мыслей, Анна подняла голову и начала прислушиваться к тому, что происходило вокруг. Вокруг говорили в основном на двух языках: русском и английском. «Вот это да! – удивилась она. – Оказывается, я понимаю не только свой родной, но и английский. Не все, конечно, но во всяком случае понимаю, о чем идет речь, схватываю главную тему разговора. Наверное, и ответить смогла бы. Не напрасно в институте надо мной иногда подшучивали, что я могла бы успешно учиться на двух факультетах сразу – филологическом и инязе. Все свои пятерки по английскому, и в школе, и в вузе я не зря получала. Да и мои усиленные занятия перед поездкой не пропали даром. Только вот помогут ли мне эти знания в предстоящих испытаниях и мытарствах?... Кто-нибудь знает ответ на этот вопрос?...» – печально закончила, возвращаясь все к тому же.

Через несколько минут тележка с едой и напитками остановилась рядом с ней...

2

Анна шла к выходу на ватных ногах, стараясь не думать о том, отгоняя от себя страшную мысль о том, что же она будет делать, если в толпе встречающих никто не будет держать

табличку с ее именем... Прилетевшие пассажиры торопливо обгоняли ее, задевая порой своими чемоданами, она не замечала ничего, каждый шаг давался с огромным трудом... «Без паники, – успокаивала сама себя. – Этот страшный момент пока еще не наступил. И наступит ли? Неизвестно. Давай вперед, ты знала, на что шла. Знала, конечно. Но даже в самых страшных мыслях не представляла себе, до какой степени это будет страшно.»

Она увидела свою табличку, подошла к женщине средних лет и сказала по-английски:

– Здравствуйте. Анна Велехова – это я.

Пересохший рот отказывался говорить.

– Здравствуйте. А я Линда, – женщине говорила по-русски почти без акцента. – Я буду Вашей помощницей на несколько ближайших дней. У Вас есть какие-нибудь просьбы?

– Что Вы имеете в виду? – не поняла Анна.

– Хотите ли Вы что-нибудь? Например, поесть, выпить кофе или что-то еще? Я спросила потому, что мы еще не прибыли на место. Наш следующий самолет через час двадцать, и неплохо бы поторопиться: аэропорт очень большой, пока доберемся до нашего выхода, немало времени пройдет, да еще и зарегистрироваться надо. Поэтому, если Вы ничего не хотите...

– Спасибо. Ничего не хочу. Разве что спросить...

Но Линда на вопросы не отвечала. «Конечно, ей так приказано. И почему она должна отвечать? И мне... разве не все равно, куда мы двигаемся дальше?» – подумала Анна и сказала:

– Можете не отвечать, если не хотите, или, может, Вам так приказано. Да и мне все равно, какое у нас дальше направление. Скажите только, могу ли я позвонить домой. Я много говорить не буду, только, что у меня все в порядке.

– Мы вылетаем на Сан-Франциско. Позвонить сможете, когда доберемся до места. Там будут другие люди, они и должны разрешить, – Линда была краткой и сухой по-деловому.

«Сан-Франциско! – похолодело у нее в груди. – Это же на другом конце США. Боже мой! Неужели я буду еще дольше от дома! Только бы не потеряться, не пропасть на этом огромном пространстве! Выжить, выкарабкаться! Кто меня потом найдет, кому до меня будет дело, если... что?»

Что – что? Было неизвестно не только ей. Никто не знает даже ближайшего будущего, даже того, что может произойти через пять минут. В той же чрезвычайной ситуации, в какой она оказалась, невозможно было даже ничего предположить...

После Сан-Франциско они еще ехали куда-то на машине, казалось ей, долго, бесконечно долго. Анна потеряла счет времени, не понимала, в каком направлении они двигаются, не знала уже даже приблизительно, где находятся.

Голова болела и от усталости, и от бесконечных навязчивых и тревожных мыслей. Хотелось спать, но она была почти уверена, что не заснет, если такая возможность появится...

Наконец машина свернула на узкую дорогу, по краям деревьев, деревья. «Как будто в лес углубляемся,» – успела подумать... Машина остановилась перед большими массивными воротами, которые почти сразу же начали бесшумно открываться...

Она помнила, как они вошли в какое-то помещение наподобие приемной. Как она попросила разрешения позвонить.

– Звоните. 2—3 минуты. В присутствии Вашего переводчика. Никаких сведений передавать нельзя, – ответили ей.

Дрожащей рукой Анна набрала номер.

– Мама...

Наверное, Вера Игнатьевна сидела рядом с телефоном, потому что ответила сразу.

– Господи! Анечка. Родная моя! Где ты? Как дела?

– Все хорошо. Добралась до места. Но очень устала и говорить долго не могу. Сколько сейчас у вас времени? Как ты? И дети?

– У нас десять часов утра, – Вера Игнатьевна как будто все сразу поняла и была очень краткой. – И все хорошо

и со мной, и с внучками. А ты, постарайся хорошенько отдохнуть, если такая возможность представится, не беспокойся о нас. У нас все в порядке. Сможешь еще позвонить? Нам главное знать, что ты жива и здорова.

– Думаю, смогу. А пока до свидания. Целую вас всех крепко-крепко и очень люблю.

Еще она помнила, как ее вели куда-то, как она силилась сообразить, сколько же сейчас времени здесь, здесь, где она находится. А где она находится? Должно быть, все-таки недалеко от Сан-Франциско. Значит, если это так, то сейчас, скорее всего, полночь. Пройдя несколько сотен метров, они вошли в ворота, небольшие, которые сопровождавшая их женщина открыла ключом. Неширокая аллея, засаженная по бокам высоким густым кустарником, и в конце ее – маленький одноэтажный домик.

«Здесь Вы будете жить. Скорее всего недолго. До тех пор, пока мы не найдем семью, которая захочет взять Вашего ребенка,» – объясняла женщина.

Несмотря на усталость, Анна все понимала, но не останавливала Линду, продолжавшую переводить. Почему? Вконец растерявшаяся Анна вряд ли могла сейчас ответить даже на более простой вопрос.

«Я покажу Вам дом. Потом можете принять душ и отдохните, – продолжала женщина. – Только сначала примите это.»

Женщина достала из кармана какие-то таблетки, взяла од-

ну, положила ее в стакан, налила туда воды из графина, стоящего на столе, и протянула стакан Анне.

– Что это? – испуганно спросила Анна.

– Выпейте, – повторила женщина. – Никакого вреда это Вам не принесет.

«Какая разница! Если и принесет,» – обреченно подумала она, послушно взяв стакан...

Еще помнила, как женщины ушли, пожелав ей спокойной ночи. Но как она добралась до постели и как раздевалась, уже нет...

Странно, что в памяти осталась последняя мысль, с которой упала, проваливаясь в глубокий сон... «Проснусь ли завтра?...»

4

Она проснулась. Вернее, ее разбудили.

То, что кто-то стоит над ней, пытаясь разбудить, не сразу дошло до сознания. Медленно села на кровати, стараясь вернуться к реальности, сообразить, где находится, кто только что дотрагивался до ее плеча, что вообще вокруг происходит.

Рядом с ее кроватью стояли Линда и женщина, кажется, незнакомая. Точно, не та, что была вчера. Или это было не вчера? Что же с ней такое? Давай, Анна, приходи в себя!

Женщина начала говорить что-то, что она не сразу поняла. К счастью, Линда переводила:

– Вчера Вы приняли лекарство, успокоительное, сочетающееся также с легким снотворным действием. Все это дало такую реакцию, видимо, потому, что Вы к тому же сильно устали. Да еще разница во времени. Но не беспокойтесь, это быстро пройдет. Вы уже можете встать? Или мы зайдем примерно через час?

Анна кивнула, соглашаясь, и начала подниматься.

– Вот и хорошо, – обрадовалась женщина. – Собирайтесь не торопясь. Можете даже принять душ. Я принесла одежду, более подходящую для нашего климата. Потом завтракайте – все на столе. А мы подождем на улице

Все время после завтрака и до самого обеда она провела в двухэтажном здании, напоминающем поликлинику.

Здание находилось в нескольких сотнях метров от ее домика, и, когда они шли туда и назад, ей удалось заметить еще несколько точно таких же домиков, прячущихся за густым кустарником.

В здании-поликлинике ее водили из кабинета в кабинет. В течение нескольких часов взвешивали и измеряли, просвечивали и прослушивали, взяв при этом все возможные анализы.

Заключительным этапом было собеседование в большом кабинете, обставленном дорогой мебелью. Принимала ее ухоженная женщина средних лет («а, может, и не средних, –

засомневалась Анна после нескольких минут наблюдения. – Кто их поймет, какого они возраста? При всех достижениях современной медицины?»).

«Главврач» (как она определила для себя) была доброжелательной и сдержанной в то же время.

– Я должна Вам объяснить все моменты, касающиеся Вашего пребывания здесь, – говорила она. – Сначала выслушайте, потом можете задать вопросы, если что-то будет непонятно.

Все было понятно. Жить она будет в том домике, где ночевала. Перемещаться свободно можно только по маленькому садику рядом, по всей остальной территории запрещено. В это здание она будет приходить в сопровождении персонала по мере необходимости. Медицинское наблюдение обязательно. Завтраки, обеды и ужины будут доставляться на место. И настоятельно рекомендуется соблюдать режим дня, правильное чередование сна, прогулок на свежем воздухе и отдыха.

– Есть какие-нибудь вопросы? – завершила «главврач».

– Только две просьбы, – Анна была почти спокойна.

– Слушаю.

– Могу я попросить книги во временное пользование?

– Какие книги? – женщина-главврач казалась удивленной.

– Пособия по изучению английского языка. Скорее, американского английского, который я понимаю хуже. И несложные художественные книги, можно детские, чтобы

я могла практиковаться.

– Хорошо, я распоряжусь. И вторая?

– Мне необходимо, хотя бы изредка, говорить с домом.

У меня там остались дети и мама. Пожалуйста!

– Мне доложили, что вчера Вы уже звонили домой. Можете позвонить еще... через три дня. Три-пять минут и в присутствии переводчика.

– Спасибо.

С этого дня время потекло очень однообразно.

Одинокие завтраки, обеды и ужины, одинокие прогулки на небольшом пространстве вокруг ее временного пристанища, окруженного таким высоким и густым кустарником, что за ним ничего не было видно, частые визиты в двухэтажное здание, которое она называла про себя «поликлиника». Через неделю с ней попрощалась Линда, сказав, что руководство заведения решило, что и сама Анна может уже неплохо объясняться с ними.

Чтобы занять вяло текущее время и голову, полную невеселых раздумий, размышлений, сомнений и колебаний, она много занималась. К счастью, книг и пособий по языку, которые были доставлены по ее просьбе, хватало. Анна читала и занималась в разное время дня – то на улице, если позволяла погода, то в доме, иногда у раскрытого окна, из которого видна была значительная часть ее нынешней среды обитания.

Она не знала, но догадывалась, что находилась здесь не одна: были и другие обитатели, вернее, обитательницы.

Однажды, во время очередного визита в «поликлинику» она успела заметить в конце коридора женщину, одетую в точно такое же платье, как на ней. Это длилось несколько секунд. «Видимо, произошла несостыковка во времени, – подумала она. – Как же они нас тут прячут друг от друга!»

В другой день Анна занималась, сидя на улице. Дул небольшой ветерок, и она выбрала место у кустарниковой изгороди, повернув шезлонг спинкой к забору. Вдруг какой-то непривычный запах! Принюхалась, подняв голову от книги. Точно. Дым! Кто-то курит с другой стороны изгороди.

– Эй! – донеслось до нее почти в тот же момент. – Есть там кто-нибудь? Есть кто-нибудь, черт побери, за этим дурацким забором? Да что же они меня одну здесь прячут, что ли?

Говорили по-русски.

Анна подумала несколько мгновений. Отвечать или нет? Что сказать? И что говорить, когда говорить нечего? И зачем?

Она встала и, не отвечая, медленно пошла к дому.

Она не знала и не догадывалась, что за ней, как и за другими женщинами, ведется видеонаблюдение.

За ней наблюдали две видеокамеры. Одна была установ-

лена в маленьком салоне ее маленького домика, другая обзревала то, что она делает и как себя ведет на маленьком зеленом островке перед домом.

Целью этого наблюдения было не только – контролировать временно проживающих. Записи с видеокамер показывали клиентам или тем, кто их представлял: это было первое, так сказать, заочное знакомство, дававшее впечатление о возможном кандидате на заключение контракта...

Так прошло две недели, две недели с той ночи, как она впервые очутилась здесь.

В начале же третьей ее спешно вызвали в главное здание, в кабинет «главврача», где, кроме уже знакомой женщины, находился еще кто-то, совершенно незнакомый.

5

Родоначальником американской династии Дюпрей был Жан Дюпрей, эмигрировавший в США в середине 19 века из французской провинции Лангедок, как многие тысячи других таких же охотников за удачей.

Америка улыбнулась Жану. По закону 1862 года* ему удалось стать владельцем обширной, в 65 гектаров, фермы. И с семьей ему тоже повезло. Хорошей помощницей во всех делах была жена и двое быстро подрастающих сыновей, Жан-Жак и Жан-Клод.

Когда Жан умер, спустя почти тридцать лет, семья владела землей, в три раза превышающей первоначальную площадь. В начале двадцатого века всем управляли уже внуки Жана, Жан-Пьер и Жак-Марк. Начиналась новая эпоха, эпоха технического прогресса, быстрого становления и развития новых отраслей промышленности, и они вовремя это поняли, начав вкладывать все свои свободные средства в тогда еще только зародившуюся автомобильную промышленность. И не прогадали. Семейное благосостояние росло как на дрожжах. И увеличивалось, благодаря выгодным вложениям и умелому руководству.

Каждое новое поколение Дюпрей находило свою золотую жилу, увеличивая и приумножая богатство, доставшееся в наследство от предыдущих поколений. Империя выстояла, не пошатнувшись, и в годы Великой депрессии, начавшейся в США в конце двадцатых годов двадцатого века. Все эти годы и десятилетия, сложившиеся постепенно во впечатляющую цифру – 150 лет, в семье рождались преимущественно мальчишки, которым в память о предке – французе Жане Дюпрей давали французские двойные имена, первой частью которых всегда было имя Жан: Жан-Марк, Жан-Мишель, Жан-Пьер, Жан-Франсуа...

К концу двадцатого века финансовое состояние династии оценивалось в 400 миллионов долларов...

В это же время что-то пошатнулось в семейных вековых

традициях, в устоявшемся и, казалось бы, незыблемом положении вещей. Что-то, что совершенно не устраивало современного патриарха, семидесятипятилетнего Жан-Жака, более тридцати лет простоявшего у руля семейного корабля Дюпрей, который до этого не пережил ни одной сильной бури, ни одной катастрофы. Молодое поколение Дюпрей было представлено двумя братьями – Жан-Полем и Жан-Марком. И все... Дальше не было никого, кто впоследствии мог бы взять бразды правления в свои руки. В семье не было наследника...

Семейные проблемы начались не сегодня. Первая гроза случилась двадцать два года назад, когда младший, Жан-Марк, тогда еще совсем молодой, не достигший и двадцатилетнего возраста, совершенно неожиданно заявил, что не хочет оставаться в семейном бизнесе, что его больше привлекает медицина и в будущем он видит себя кардиохирургом и никем другим. Он остался стоять на своем, несмотря ни на какие противодействия со стороны властного отца, ни на какие уговоры умной и дипломатичной матери...

С годами эта проблема сгладилась, а противоречия между отцом и блудным сыном перестали быть острыми и неприемлемыми. Тем более, что старший сын, Жан-Поль, пять лет назад ставший у руководства компанией, проявил себя компетентным и удачливым во всех делах.

Казалось, буря улеглась, и семейный корабль мог бы бла-

гополучно двигаться вперед... Но появилась новая проблема, угрожавшая, как никогда раньше, его плаванию в спокойных водах.

Жан-Поль женился в возрасте Христа, и был женат уже более десяти лет. Даниэла – красивая женщина тоже из богатой семьи, получила хорошее образование, и могла бы быть, и хотела быть хозяйкой большой и дружной семьи. Но годы шли, а она ни разу не забеременела. Супруги прошли медицинское обследование спустя пять лет после свадьбы, в результате которого выяснилось, что это Жан-Поль не может иметь детей.

– Невозможно сказать об этом твоему отцу! – решительно заявила Даниэла, хорошо знавшая характер свекра. – Такая буря поднимется! Надо что-то придумать.

И они придумали – один раз, потом другой... А проблема осталась, и ее надо было решать. Оба очень хотели ребенка, а Династии нужен был наследник.

Два года назад Даниэла решилась на искусственное оплодотворение. И тут – новое препятствие! (Как будто кто-то наложил на их семью проклятие, которое невозможно преодолеть!) При прохождении медицинских обследований, более тщательных, чем это было раньше, у Даниэлы обнаружили редкую, очень редкую болезнь крови. Болезнь, которая до сих пор дремала в ней, никак себя не проявив до настоящего времени. Но на медицинском консилиуме Даниэлу предупредили, что во время беременности происходит пе-

реестройка всего организма и неизвестно, как эта перестройка может повлиять на состояние ее здоровья. Кроме того, при вынашивании плода в 80% случаев мать передает эту болезнь ребенку. А это – потенциальная и серьезная угроза здоровью будущего ребенка.

Оставался последний выход – усыновление.

Но как сказать об этом Патриарху!?

А говорить надо было и решать проблему надо было. И быстро! Даниэле исполнилось уже тридцать пять, Жан-Полю – сорок четыре...

Полгода назад случилось еще одно событие, новая беда, заставившая их еще больше торопиться, искать срочный выход из и так уже срочной ситуации: заболел глава семейного клана, заметно состарившийся за последний год, Жан-Жак. И заболел серьезно. «Нет препаратов, которые лечат эту болезнь, нет и других способов лечения,» – объяснял ему доктор на первом собеседовании, сразу после того, как в результате многочисленных анализов и обследований, первоначальный диагноз был подтвержден. – «И что же есть?» – «Есть препараты поддерживающие и снимающие неприятные симптомы Вашей болезни.» – «Какие, например?» – «Например, боли, которые вскоре появятся и будут усиливаться с течением времени.»

– Не поверишь, но не это меня беспокоит. Нет, если уж

быть честным до конца, не это в первую очередь... – сетовал Жан-Жак, обращаясь к сидящему напротив него Джошуа.

Джошуа Ленберг, несколькими годами моложе своего собеседника, руководил адвокатской конторой «Ленберг и сын». Эта контора обслуживала семью Дюпрей уже в четвертом поколении, естественно, что за такой срок контакты между семьями перестали быть только деловыми. Жан-Жак и Джошуа связывали многолетние дружеские отношения. Адвокат тоже готовился передать руководство фирмой своему сыну, постепенно поручая ему не самые важные дела семьи Дюпрей.

– Твое дело, старина, сейчас в первую очередь собой заниматься и своим здоровьем. Это для тебя должно быть самым главным. А молодые пусть уж сами свою жизнь организуют, теперь их время пришло управлять и решать, – отвечал Джошуа, и сам не очень веря своим словам.

– Тебе хорошо говорить, у тебя вон три внука подрастают: и радость глазам на старости лет, и надежда на то, что будет кому дело дедов и прадедов продолжать. А у меня ни одного нет, и в ближайшее время не предвидится. Разве могу я спокойно уйти в мир иной? Чувствую я, что Жан-Поль от меня утаивает что-то и уже не верю во все их отговорки. Что-то происходит у них, а что именно, не знаю. Я уже и жену подсылал к ним, разведать, что и как, но она вернулась ни с чем. А, может, и знает она что-то, да мне ничего не говорит. Из-

вестно и тебе тоже, какая она у меня дама дипломатичная. И младший мой, как на грех, непутевый уродился...

– Стоп, стоп, стоп, – перебил его Джошуа. – Тут ты, дружище, совсем не туда направился. Жан-Марк твой многого добился, не припоминай старых раздоров, это не каприз его был – пойти по медицинской части. Хирургом он родился, от бога этот дар у него. Добиться такой известности и сделать такую карьеру – это не каждому удается...

– Что мне от его карьеры, он ведь даже жениться не удостоился, а сорок лет недавно стукнуло. Нет, с этой стороны мне наследников не дожидаться. Да и с другой, видимо, тоже... Вот что меня беспокоит больше, чем болезнь моя, вот что не дает мне спать по ночам. Умереть, не дождавшись рождения внука... – обреченно закончил Жан-Жак.

...С одним твердым убеждением выходил Джошуа из дома друга: надо что-то делать. Что-то предпринимать, чтобы помочь. Но что? Наверняка есть какой-то выход из ситуации. Есть выход из любой ситуации.

«Сегодня же и начну наводить справки,» – решил он, садясь в машину...

Несколько дней спустя Джошуа пригласил в свое бюро Даниэлу и Жан-Поля.

Джошуа закончил говорить...

– Не совсем чистый способ, ... – наконец нерешительно начал Жан-Поль...

– Да, – согласился адвокат. – Но и не совсем грязный. Все основано на добровольных началах, и каждый получает свое: одни – деньги, другие – ребенка... В определенном смысле можно даже сказать, что это – хороший выход из непростой ситуации для всех. Почему? Потому что в противном случае мать готова убить своего будущего ребенка, т.е. сделать аборт, а это в какой-то степени можно квалифицировать как убийство. В чем состоит нарушение закона, (и это я могу вам сказать точно), в том, под каким предлогом пересекается граница. Но это очень объяснимо. Нельзя ведь сказать: «Я въезжаю на территорию США, чтобы продать своего ребенка.»

– У нас уже и не может быть чистого решения проблемы, – вступила в разговор Даниэла. – За последние годы мы столько раз лгали, такую гору лжи соорудили, что еще одна ложь уже ничего не изменит.

– Ты думаешь, нам удастся сохранить полную секретность? – обратился к Джошуа Жан-Поль. – Мне кажется, мама уже давно обо всем догадалась. Не понимаю только, почему она до сих пор ничего не сказала отцу.

– Твоя мать – очень мудрая женщина. Она много знает

и много о чем догадывается, но мало говорит. Я уверен, что и в нашем случае она обо всем быстро догадается, быстро поймет, что беременность твоей жены, как бы это сказать... не совсем настоящая... догадается, но ничего не скажет. Никому. И я даже знаю, почему.

– Почему? – спросила Даниэла.

– Твоя свекровь хорошо понимает, что лишнее сказанное слово никому блага не сделает. А испортить может все – и безвозвратно. А что я могу сказать по поводу полной секретности... Она вам, наверное, в будущем и не к чему. Я знаю немало случаев, когда нежелание родителей говорить правду ребенку приводило к трагедии. Думаю, что если все произойдет так, как я вам предлагаю, впоследствии, когда мальчик (я предполагаю, что речь идет именно о мальчике) подрастет, нужно будет сказать ему правду, не всю, конечно. Сказать то, что можно сказать. Секретность нам нужна только для Жан-Жака, а ему жить недолго осталось. Так что, если хотите его порадовать напоследок, поспешите...

Снова наступило молчание, которое на этот раз прервала Даниэла:

– Расскажите, хотя бы примерно, как это вообще происходит...

– Абсолютно точно я и сам не знаю, не сталкивался до сих пор.

– Как же Вы об этом узнали?

– Обратился к нужным людям, которые владеют информацией. Фирма хорошо засекречена. Женщин немного, и все очень тщательно отобраны. В основном с территории бывшего Советского Союза.

– Почему? – не поняла Даниэла.

– По внешним признакам они близки к нам, и нет такой расовой скрещенности, как в странах Европы, или у нас, например. Я хочу сказать, что рождаются дети с белой кожей. Вы ведь не хотите показать бабушке внука с темной кожей или с узким разрезом глаз, к примеру. Да и для вас в будущем это может вызвать лишние вопросы, которые, конечно же, ни к чему. Потом там сейчас ситуация такая сложная, очень много людей, а, следовательно, и семей находятся на грани выживания... или вымирания, как вам больше нравится. К тому же, как мне объяснили, у русских очень хороший интеллектуальный потенциал, а фирма не отбирает кого попало. К примеру, если у женщины не первая беременность, проверяют уже родившихся детей: как учатся, что из себя представляют и так далее... Покажут даже фотографии этих детей. Потом, прежде чем сюда попасть, они (эти женщины) проходят разного рода тестирования и исследования, целью которых является проверить уровень интеллектуального и физического здоровья и самой женщины, и будущего ребенка.

– Стопроцентной гарантии они все равно дать не могут, наверное? – полуутвердительно спросил Жан-Поль.

– А кто ее дать может? Разве что там... – Джошуа поднял глаза кверху. – Только нам об этой полной гарантии не скажут.

Жан-Поль вопросительно посмотрел на жену. После нескольких секунд неуверенности Даниэла согласно кивнула головой.

– Вот и хорошо, – адвокат обрадованно потер руки. – Давайте сразу и начинать. Вы хотите, чтобы я этим занялся, или возьмете номер телефона? Сначала нужно позвонить и сказать определенные слова...

– Предпочитаем, чтобы Вы занялись, – в голосе Даниэлы была просьба.

– Согласен. Давайте обговорим прямо сейчас, что именно я должен искать...

Через несколько дней, в пятницу, во время ужина в родительском доме Жан-Поль и Даниэла объявили долгожданную новость...

Джошуа искал подходящую кандидатуру. За три месяца он представил анкеты и фотографии нескольких женщин. Сначала будущие родители всех отвергали. Полтора-два месяца назад Джошуа нашел, казалось, то, что устроило и Даниэлу, и Жан-Поля... К сожалению, надежды их не оправдались. Время шло неумолимо быстро, надо было торопиться, а первая неудача подняла планку запросов четы Дюпрей еще

выше...

Джошуа начал уже беспокоиться за исход задуманного им дела, когда ему показали видеозаписи с камер наблюдения за вновь прибывшими. Вновь прибывших было трое. Одна из них – Анна Велехова.

Другие не привлекли его внимания надолго – взгляд задержался на Анне. После нескольких минут он попросил ее документы.

А еще через двадцать минут внимательного изучения всех ее бумаг набрал телефонный номер и сказал коротко: «Уверен, что нашел то, что нужно. Везу досье на изучение.»

Несколько дней спустя за Анной, которая ничего не знала (и никогда не узнает) ни о разговоре, так или иначе решившем ее судьбу (и судьбу ее будущего ребенка), ни о людях, в нем участвующих, никогда не слышала ни о семье Дюпрей, ни о ее проблемах, – за ней пришли...

Всего она не узнает и позже...

Таким образом оказались тесно связаны, и не только на несколько ближайших месяцев, судьбы людей, так далеко друг от друга отстоящих.

7

И снова она в аэропорту. Какой уже раз за последние неде-

ли? На этот раз в сопровождении немолодого мужчины, который представился – Джошуа.

Когда узнала, куда летит самолет (Лос-Анджелес! Господи, я скоро все Соединенные Штаты облечу!), затем, когда села в машину с шофером, встретившим их в аэропорту, (Это и есть знаменитый Ролс-Ройс?), не в первый раз подумала: «Да, при других обстоятельствах можно было только радоваться, что я все это вижу и познаю. Для меня при моих жизненных условиях все это выглядит нереальным, почти сказочно нереальным. При маленькой оговорке: при других обстоятельствах. Да, только оговорка эта – другие обстоятельства – не моя реальность. Моя реальность – именно мои обстоятельства. Мои... и ничьи другие...» Сердце опять больно сжалось, и боль отозвалась в ней тревогой: тревогой за себя (куда меня везут? что меня там ожидает?), тревогой за свою семью, за свое решение и за его последствия...

Машина в это время выехала за город и, набрав скорость, поехала по автодороге. За окном мелькали пейзажи, какие она никогда даже и не мечтала видеть: с одной стороны – океан, с отражающимися в его водах солнечными лучами, блики которых по временам слепили глаза; с другой стороны – красивые большие дома, то рядом с дорогой, то вскарабкавшиеся достаточно высоко в горы. И непривычная растительность во всем своем экзотичном великолепии: высокие пальмы с огромными, растопыренными в разные сторо-

ны листьями, выющиеся растения, оплетающие ограды домов, цветущие растения самых немислимых окрасок...

Не проехав и часа, машина свернула в сторону от автодороги, и океан остался позади. «Кабазон» – успела она прочитать название на указателе. Но они не остановились в этом маленьком уютном городке, а устремились дальше по дороге, которая вела их в места, все более безлюдные. И снова сердце... Забилось так, что у нее перехватило дыхание. «Сколько же еще все это будет продолжаться? На сколько еще у меня хватит сил?»

Машина резко остановилась у высоких, литых из черного металла ворот. И ворота, и огромный парк, виднеющийся за ними, и белый двухэтажный дом в глубине парка – все это открылось перед ними неожиданно, после резкого поворота.

Водитель нажал кнопку на панно, и ворота бесшумно распахнулись. Вблизи дом оказался большим, очень большим, с высокими белыми колоннами, широкими ступенями и массивными, тяжелыми входными дверями...

В просторном холле было безлюдно, и сам дом казался пустым: ни звука телевизора, ни голосов.

Джошуа позвонил по внутреннему телефону, сказав коротко:

– Мы приехали.

И, выслушав что-то, ответил:

– Хорошо. Поднимаемся.

Затем, повернувшись к Анне, приглашающим жестом указал ей на широкую лестницу, ведущую на второй этаж.

8

Комната-кабинет на втором этаже...

Из-за стола навстречу им поднимается высокий мужчина. Через прозрачную занавеску Анна успевает заметить женский силуэт на террасе.

– Здравствуйте, – обращается к ней мужчина, предлагая кресло напротив.

Джошуа садится в другое кресло, доставая какие-то бумаги из своей обширной папки.

– Как все прошло? – спрашивает его хозяин дома.

– Все в порядке. Бумаги тоже все готовы. Можем начинать.

Мужчина зовет, открывая дверь, ведущую на террасу:

– Даниэла!

В кабинет входит молодая женщина, одетая в белые шорты и простую рубашку с коротко подвернутыми рукавами. Стройное, загорелое тело, ухоженное лицо и взгляд, не совсем понятный, немного отстраненный...

«Я тоже не знаю, как себя вести, как держать себя в этой, такой непростой ситуации. И ей тоже, наверное, не по себе,» – понимающе думает Анна.

Женщина садится на диван, расположенный в глубине кабинета. Мужчины переглядываются: тот, который сидит за столом, начинает первый:

– Меня зовут Жан-Поль. Я и моя жена Даниэла – мы хозяйка этого дома, дома, где Вы теперь будете жить. До рождения ребенка. Ребенка, которого Вы не... хотите или... не можете оставить себе. А мы... а нам очень нужен этот ребенок, и мы готовы назвать его своим, если, конечно, обо всем сейчас договоримся. Вы меня понимаете?

– Да, я все понимаю. Только, пожалуйста, продолжайте говорить медленно. Быструю речь я понимаю хуже.

– Хорошо, – соглашается собеседник. – Наш адвокат Вам представит договор, договор, в котором все прописано. Он составлен на двух языках: английском и русском. Читайте русскую часть. Если со всем согласны, подпишите после прочтения.

– Читайте не торопясь, – вступает в разговор адвокат. – И можете спросить, если что-то будет непонятно.

Он подает ей папку. Анна начинает читать, пытаясь сосредоточиться.

«Мы, нижеподписавшиеся... составили настоящий договор...»... «Принимающая сторона обязуется... заботиться о здоровье... и ребенка...» «Предоставить...» Дальше – ее обязательства. Что она обязана? И так ясно.

Руки ее трясутся, а строчки плывут и прыгают перед гла-

зами. Нет, она не в состоянии читать, понимая.

«Какая разница! – в который уже раз обреченно думает она. – Если они и не выполняют что-то, что указано в этом договоре, кто их может заставить? Если не соглашусь я, вся сила на их стороне. И мне придется согласиться... И вообще, что тут переведено на русский? Все? Или не все? И правильно ли?»

Она открывает последнюю страницу и решительно ставит свою подпись в конце. Адвокат подает ей английский экземпляр договора, который подписывается так же решительно.

Затем свои подписи ставит Жан-Поль и, подавая ей ее экземпляр, говорит, слегка улыбаясь:

– У Вас еще будет время все прочитать внимательно.

«И не подумаю.» Но вслух ничего не говорит.

– Еще несколько уточнений, – продолжает хозяин дома. – Итак, жить Вы будете здесь, все эти месяцы. Мы будем находиться в этом доме часто, но не всегда. В наше отсутствие и в присутствие, кстати тоже, в доме неотлучно будет находиться Марта. Вы с ней вскоре познакомитесь. Со всеми вопросами и просьбами к ней и обращайтесь. По дому можете передвигаться свободно, никаких запрещений нет. Сад тоже в Вашем распоряжении, а вот за территорию – только с нашего разрешения и согласия. Пока это все. У Вас есть вопросы?

– Только одна просьба, – Анна почему-то встала. – У меня на родине остались две дочери и мама. Они очень переживают за меня, а я за них. Можно я буду им звонить, хотя бы

нечасто, хотя бы раз в две недели, например? Совсем недолго. Минут пять, не больше.

Они переглянулись, все трое.

– Можете звонить один раз в неделю, – после недолгого молчания ответил Жан-Поль. – Время не ограничиваю. Но одно условие. Ни слова не говорить своим близким ни о том, где Вы находитесь, ни о том, почему. И, естественно, ни о нас тоже.

– Хорошо. Обещаю. «Какое счастье!»

Жан-Поль снимает трубку внутреннего телефона и, обращаясь к кому-то говорит:

– Марта, зайдите в кабинет.

Минут пять спустя в комнату, постучавшись, входит пожилая и очень дородная негритянка с добродушным лицом.

– Марта, – просит ее Жан-Поль. – Покажите нашей гостье дом и ее комнату. В том порядке, как захочет. И проследите, пожалуйста, доставили ли в комнату ее вещи.

– Хорошо, хозяин, – широко улыбаясь, отвечает Марта. – Как я понимаю, с домом она может познакомиться и позже, когда отдохнет. А вещей у нее почти никаких и нет. Одна сумка, так она уже в комнате, – добавляет Марта и, обращаясь к Анне, предлагает. – Ну, что, идем?

Дюпрей остались вдвоем в кабинете, где только что произошли такие важные для всех присутствующих события.

Даниэла встала с дивана, на котором оставалась сидеть все это время, и подошла к мужу.

– Что ты думаешь об этой женщине? – спросил Жан-Поль. – Мне она показалась серьезной. Во всяком случае более серьезной чем та, какую мы имели несчастье приютить некоторое время назад.

Даниэла присела перед ним прямо на стол. Он приподнял ее ноги, поставил на кресло, в котором сидел сам, положил голову на ее колени и с любовью посмотрел ей прямо в лицо.

– Знаешь, о чем я не перестаю думать? – она отвечала вопросом на вопрос. – В устройстве жизни нет никакой логики и справедливости. Мы... у нас есть все, казалось бы все, о чем только может мечтать человек. У этой женщины нет ничего, наверное ничего, иначе, зачем бы она это делала? Но зато у нее есть то единственное, чего нет у нас, и в чем мы так сильно нуждаемся...

9

Что такое – переживать трудный период жизни? Что это значит?

Первое время, первые мгновения после полученного плохого известия о серьезном испытании, о тяжелой болезни, своей или кого-то из близких, о безвозвратной потере, о других бедах и несчастьях, известия, которое чаще всего настигает нас внезапно, мы не верим, что это произошло именно

с нами. Наша первая реакция – реакция отторжения. НЕТ, это не правда! ЭТОГО не может быть! Произошла какая-то ошибка! Вот сейчас зазвонит телефон или кто-то постучится в дверь, и мы узнаем другую новость, отличную от той, первой, которую наше сознание отказывается принимать.

Но минуты идут за минутами, часы за часами, а телефон не сообщает другую новость, и никто не стучится в дверь. И тогда наступает осознание того, что случившееся – реальность, тяжелая, жуткая реальность, от которой уже не откажешься.

Как это могло случиться? Как теперь с этим жить? Почему именно с нами, именно со мной? Паническое состояние охватывает каждого человека, а мозг безуспешно бьется в паутине вопросов, на которые нет ответа.

Наш мир, внутренний и внешний, обрушивается в одночасье. В одночасье перестает существовать все многообразие и многоцветье окружающего мира. Как будто кто-то набросил на тебя тяжелое черное покрывало, под которым тебе теперь жить. Как долго? Еще один вопрос, на который нет ответа.

И вот проходит время, неважно какое. Время проходит – а боль остается. Она может уходить, не напоминать о себе, не трогать, не подниматься черным удушьем, от которого перехватывает дыханье, а сердце то начинает биться – часто-часто, то, кажется, останавливается насовсем. Но боль всегда остается в нас, напоминая о пережитой трагедии,

несчастье, беде, случившейся или с нами, или с нашими близкими.

Есть ли от этого лекарство, средство, помогающее найти в себе силы выжить, справиться, продолжать радоваться жизни, наконец? Наверное, у каждого – свое.

У Анны, которую жизнь все эти последние годы не баловала часто, не одаривала не только днями и часами счастья, но скупилась даже и на минуты, этим средством было – занять руки и голову. Шевелиться, делать что-то, занять себя чем-то, неважно даже, чем. Такая занятость помогала ей, отвлекала мысли от неприятностей и бед, давала возможность находить в себе новые силы, чтобы продолжать жить...

Ей и теперь было несладко, ох как несладко находиться здесь, вдали от дома, в незнакомом месте, с незнакомыми людьми, несладко понимать, что она находится здесь для дела, которое противоречит не только нормам морали...

Первые дни она не могла справиться с собой. Часами просиживала у себя в комнате, уставившись в одну точку, не в силах пошевелиться, не в силах заставить себя делать хоть что-то. Внутри была пустота и отчаяние, отчаяние, которое накатывалось черными волнами, не оставляя места никаким другим чувствам.

Но надо было продолжать жить, несмотря ни на что, при-

способливаясь к новым обстоятельствам. Надо было. Но как?

Каждый день, то утром, то после обеда, а то и утром, и после обеда к ней в комнату стучалась Марта, каждый раз с новыми предложениями. Не хочет ли Анна прогуляться по саду? Не голодна ли? Или, может, вместе время проведем?

Анна понимала, прекрасно понимала, что Марта делает это все из добрых побуждений, из желания помочь, но каждый раз отрицательно мотала головой, не находя в себе ни сил, ни мужества.

Казалось, ее внутренние резервы, ее запас прочности, ее источники оптимизма – все было исчерпано.

10

Но однажды, спустя примерно неделю, Анна проснулась ранним утром, резко села на постели и оглянулась вокруг новыми глазами.

Стояло великолепное утро, с ярким солнцем и безоблачным небом. Она подошла к окну и широким жестом открыла его настежь. Запахи цветов и зелени, смешанные с потоками свежего воздуха, пение птиц ворвались в комнату.

Подхваченная какими-то новыми чувствами и ощущениями она, быстро умывшись и одевшись, вышла на улицу. Великолепие природы, царствующей в это тихое, спокойное утро захватило ее в плен. Не менее часа быстрой походкой

она ходила по огромному саду, временами надолго задерживаясь то перед особенно красивой, оригинально оформленной клумбой, то перед цветущим кустарником с завораживающим, чудным ароматом...

Сколько было времени, когда она повернула на тропинку, ведущую к дому? Она не знала, но знала, что откуда-то появилось в ней – второе дыхание? новые силы? Или еще что-то, чему нет пока названия.

«Ситуация останется такая, какая есть, – думала Анна, решительно шагая к дому. – Ничего назад уже не вернешь, ничего в прошлом изменить нереально. Тогда, наверное, должна измениться я. Как это возможно? Наверное, возможно как минимум изменить свою позицию, перестать заталкивать себя в черную пропасть. Кому от этого будет лучше, кто выиграет, если я туда окончательно провалюсь? Если, не дай бог, у этой черной пропасти, в минуту отчаяния совершу то, что однажды уже приходило в голову...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.